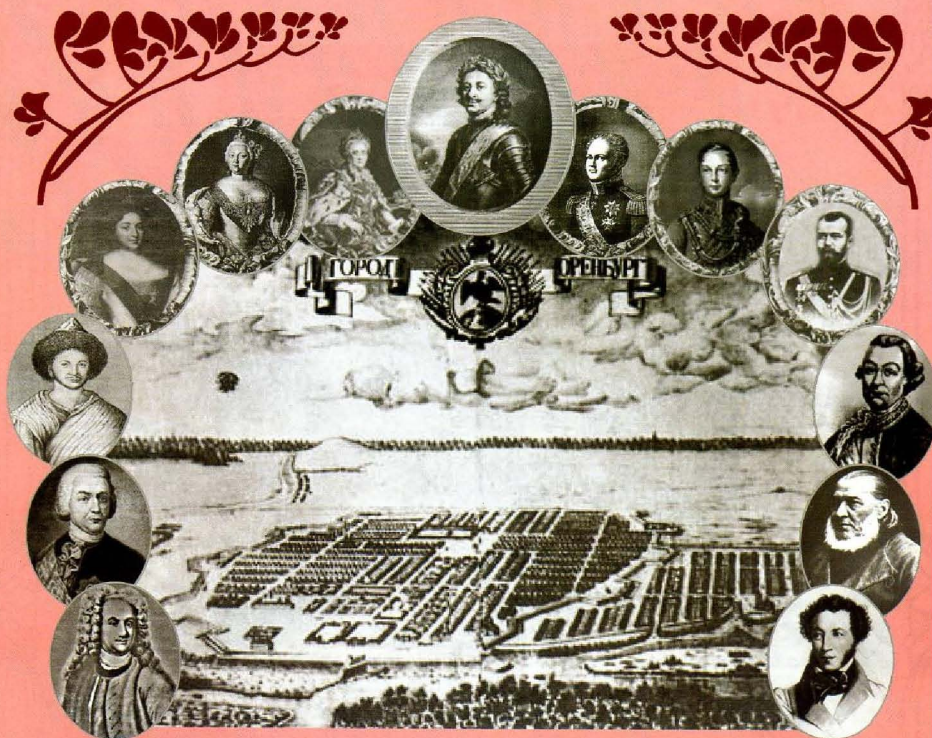

для тех, кто любит свой край

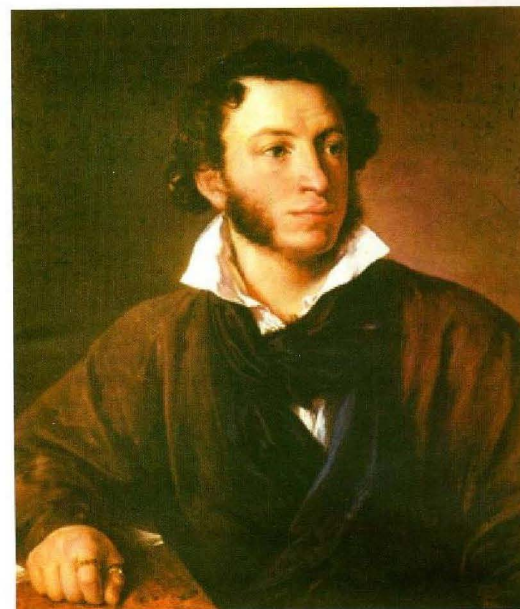
СЛАВЯНСКИЙ БАЗАР

ОРЕНБУРГСКАЯ СТАРИНА

историко-краеведческий сборник

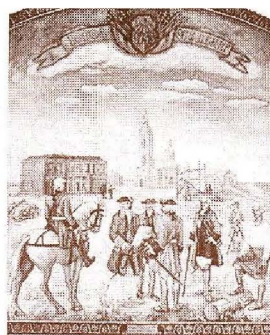
6

2007

«...Я далеко не восторгаюсь всем, что вижу
вокруг себя; ...но клянусь честью, что ни за что
на свете я не хотел бы переменить отечество,
или иметь другую историю, кроме истории
наших предков, такой, какой нам Бог ее дал»

Мушкетер

«СЛАВЯНСКИЙ БАЗАР»
представляет
ОРЕНБУРГСКОЮ СТАРИНУ

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИКО-
КРАЕВЕДЧЕСКИЙ
СБОРНИК

№6
2007

Учредители:

ТК «Славянский базар»,
Областной центр детского-юношеского
туризма и краеведения

Генеральный директор:

Ю.П. Бельков

Научные консультанты:

Д.А. Сафонов, д. и. н.
В.Г. Семенов, к. и. н.

Редакционная коллегия:

С.Е. Сорокина (редактор-составитель)
С.Е. Плавкин (верстка)
И.А. Калугина (корректор)
Ю.В. Елатонов (набор)

Номер подготовлен:

ТК «Славянский базар»,
460000, г. Оренбург,
пр. Братьев Коростылевых, 1
тел.: 35-42-09, 26-12-99,
факс: (3532) 35-42-09
Электронная почта:
slbazar@mail.ru
sotokina-sl@yandex.ru

Обложка отпечатана
в ООО «Стиль-Реклама»
ул.Орская 49/2

Тираж 990 экз.

От редакции

важение к прошлому. Уважение к предкам. Уважение к своей истории.

Великий русский поэт и мыслитель, Александр Сергеевич Пушкин, неоднократно обращал свое внимание на значимость, важность для духовного здоровья народа чувства уважения к своим корням, к своему прошлому. Запечатлено немало его сильных выражений об этой необходимой национальной черте, на страшные последствия для народа, утратившего в своей массе чувство родства со своими предками. Кого оставят равнодушными суровые афоризмы русского гения: «Уважение к прошлому – вот черта, которая отделяет образованность от дикости» или «Дикость, подлость и невежество не уважают прошедшего, пресмыкаясь перед одним настоящим»?! Еще более грозное предупреждение для соотечественников прозвучало из уст друга Пушкина, поэта Петра Вяземского, некогда так выразившего мысль, глубоко ужаснувшую его самого: «Горе народу, не почитающему старины своей».

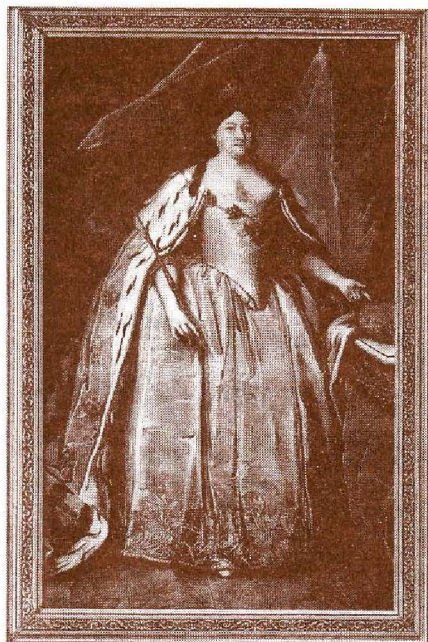
Содержание сборника «Оренбургская старина» ориентировано на публикацию материалов, разносторонне освещающих прошлое нашего края XVIII–XX веков, то есть от его возникновения до Гражданской войны, освещение всего того, что составляло основу традиционного уклада жизни наших предков, и исторических событий, вторгавшихся в их повседневность. Рубрики, обозначенные в содержании первого номера сборника, будут постоянными. Источником для статей, отражающих тематику рубрик, послужат извлечения из различных архивных фондов (местного и центральных) и старинных периодических изданий (газет и журналов), ныне также ставших ценнейшими и малодоступными историческими документами.

Уже инициатор издания первого информационного органа края оренбургский военный губернатор Павел Петрович Сухтелен, разрабатывая в 1832 году программу первой газеты – «Оренбургские периодические записки» – главное внимание (после официальных ука-

зов и распоряжений, разумеется) уделил краеведческим материалам, считая изучение истории Оренбуржья делом необходимым, тем более для края, представляющего «изобильный источник для исследований ученых, политических и нравственных по разнообразному народонаселению, по заключающимся в недрах земли и на поверхности богатствам, по преданиям и достопамятным событиям прежних времен, по связям с соседними азиатскими народами и знатной торговле». С легкой руки П.П. Сухтелена, позднее горячо поддержанного в этом стремлении губернатором Кривяковским, краеведческие темы постоянно развивались на страницах всех последующих оренбургских периодических изданий.

Статьи историко-краеведческого сборника «Оренбургская старина» представляются, как увидит читатель, и в современном изложении, и в виде первоисточника. В последнем случае редакция приводит текст в соответствии с правилами современного правописания, оставляя сам слог оригинала неизменным, чтобы читатель через архаичное слово, манеру речи мог полнее почувствовать дух и суть «старинной глубокости». Кроме того, подача статей в оригинале дает возможность читателю самому оценивать события, без вольного или невольного навязывания мнения, выводов в случае пересказа статьи, так как ни одно, даже самое искусное, переложение не свободно от субъективности, иногда уведаящей далеко от первоначальной истины. В некоторых случаях тексты старинных документов будут представлены в «первообытном» своем виде также ради этой цели – не лишить их примет, свойственных теперь уже далекому от нас времени. Ко всем статьям указывается источник заимствования и имя автора, тексты же составителя даются без подписи.

Редакция надеется на благосклонное внимание читателей к скромному начинанию, имеющему своей целью посылить выразить «уважение к прошлому» родного края, уважение к трудам и заботам своих предков, к своим родовым корням.

*Рубрику ведет Е.Н. Попова,
начальник отдела
использования и публикации
документов Государственного
Оренбургского архива (ГАОО)*

ЦАРСТВОВАНИЕ ГОСУДАРЫНИ
ИМПЕРАТРИЦЫ АННЫ ИОАННОВНЫ
ГОД 1734. ИЮНЯ 7.

ПРИВИЛЕГИЯ ГОРОДУ ОРЕНБУРГУ

Объявляем во всенародное известие. Какое мы попечение имеем о пользе и благополучии и расширении Нашей Империи, о том довольно видно из наших новых учреждений сухопутных и морских войск, также распоряжков Государственных, к тому ж отправленные в разные и отдаленные места экспедиции явно сами показывают, что оные несмотря ни на какие из Нашей казны расходы к пользе и славе Нашей Империи чинятся, между тем начатыми делами уже самым действием с Божиею помощию исполняются; что в Азии в Великой Татарии в 1731 году Киргиз-Кайсакской воинской народ, между которыми первейший Абулхаир-Хан, владеющий Меньшою ордою; а потом и прочие двух орд Ханы и знатные старшина, и все войско, во многем числе обретающиеся; также

де особливою Каракалпакской народ с их Ханом без всякого движения наших войск, но из своей воли в Наше вечное подданство вновь пришли, а Аральской Хан и с народом такого же подданства желают. И тако Мы в рассуждении о сих новых наших подданных народах, кои с старыми нашими ж подданными Башкирцами и Калмыцкими ордами в близости живут и прежде всего имели друг на друга нападения, и тем сами себя разоряли; наипаче же отправляющейся полезной коммерции в Великую Татарию, в Хиву, в Бухарию, в Ташкент, в Балх и в другие места многие в пути разорения наносили: запотребно изобрели вновь построить город при устье Орь реки, впадающей в Яик, дабы чрез то в покое, как оные орды в подданстве содержать, так и коммерцию безопасную в пользу Нашего инте-

реса и наших подданных иметь, и для строения того города особливую нарочную Экспедицию в немалом числе штатских и воинских чинов отправили. А понеже всякая, не тобою от новых, но и от старых городов желаемая польза интереса Нашего ни от чего иного зависит, как от порядочного учреждения и расположения в гражданстве и от умножения жителей; того ради сей новый город сею первою Нашею привилегиею Всемилостивейше жалуем и в предбудущие вечные времена утверждаем.

1. Сему городу, с Богом вновь строить назначенному, именоваться Оренбург, и во всяких случаях называть и писать сим от нас данным именем, в котором городе Всемилостивейше жалуем и даем соизволение всем, и всякого народа Российским (кроме беглых из службы Нашей, и людей и крестьян, в подушный оклад положенных) купечеству, мастеровым и разночинцам, также Иностранных Европейских Государств иноземцам, купцам и художникам, и тутоним Башкирскому народу, и живущим с ними, и новоподданным нашим Киргизским, Каракалпакским народам, и из Азиатских стран приезжим Грекам, Армянам, Индейцам, Персам, Бухарцам, Хивинцам, Ташкентцам, Калмыкам и иным всякого звания и веры приходить селиться, жить, торговать и всяким ремеслом промышленать, и паки на свои прежние жилища отходить свободно и невозбранно, без всякой опасности и удержания.

2. Также в первые три года, то есть с 1735 по 1738 год, для новости сего места, ни с каких товаров в казну Нашу пошлин, опричь определенной городской части, не иметь; а кто похочет селиться и жить, тем не тобою безденежно места под дворы, кладовые, анбары, лавки отводить, но и сколько возможно к строению, как лесными, так и каменными припасами из казны Нашей помогать, за которые истинные деньги выплачивать в Нашу казну без процентов, по расположению в десять лет.

3. Чтоб в том городе жители и приезжие во всяком порядке и благополучии и довольстве были и суд и расправу имели справедливую, того ради определяем быть Магистрату в числе трех Бургомистров и шести Ратсгеров, и суд устать, и иметь каждого народа по нашим указам сколько возможно, согласуясь с их обычаями и права-

ми, справедливо без всякия волокиты и, не взирая на сильного и богатого, но всем равный. И для того о тех иных вер народов, о судах и справедливостях, по которым правые удовольствие имеют, а виновные штрафуются, сколько возможно на Российском и их языках описать, дабы всякий знал на своем языке, почему он оправдан или обвинен.

4. Магистрату в правлении дел иметь разделение, а именно: 1) в Магистратской Канцелярии первенствующие, очередной Бургомистр один, с ним Ратсгер, Протоколист. 2) В Нижнем Градском Суде Бургомистр, Ратсгер, а с ним в товарищество, ежели Российского судить будут, то от Российских гражданских старшин два, а буде Иностранного, то их вер лучшим и искусным людям, двум же или трем человекам. 3) В Казенной Магистратской Конторе Бургомистр один, Ратсгер один, с ним из граждан два и Бухгалтер. 4) В Сиротском Суде и у усмотрения в содержании церквей, школ и госпиталей и богаделен градских, Ратсгер с двумя гражданами, Нотариус или Бухгалтер. 5) У публичных строений, у учреждения цехов и у записки в цехи, и у содержания списков всем гражданам, и у усмотрения, чтоб излишних или напрасных между обществом расходов не делали: Ратсгер один, с ним из цеховых старшин два, в его же ведении маклеры, браковщики, мерщики, вязальщики и иные тому подобные общие служители. 6) В Магистратской полиции и над смирительными домами, и у усмотрения над вольными домами, и над винами продажными, над пивом, над харчевыми торговыми, чтоб в цене не возвышались, но умеренно продавали: Ратсгер, с ним два из старшин цеховых. И тако всем тем Бургомистрам и шести Ратсгерам, каждому одному то, а другому другое иметь особое дело и быть беспеременно.

5. Также повелеваем Магистрату и его Членам, когда они при своих делах распоряжены будут, иметь особливо других градских чинов, а именно: Архитектора с газелями, Доктора, лекарей, аптекарей при госпиталях градских, присяжных, адвокатов, рассылщиков из разных наций особых, дабы за незнанием языка и обычая, кто к кому послан будет, каких напрасных озлоблений не делали, и иных, кои потребны и нужны будут по состоянию того места и народа.

6. При первом учреждении Бургомистров и Ратсгеров выбрать всему гражданству по большому числу голосов из природных Российских и из иноверных, кои в гражданство запишутся, и представить командиру, имеющемуся в том городе, а ему не одному, но обще с прочими своими товарищами в присутствии лучших граждан подтвердить; а ежели явятся по общему усмотрению недостойные или подозрительные, тех иными достойными велеть перемениить, и которые таким образом подтверждены будут, тем быть непременно; а впредь на выбывшие места выбирать по старшинству и достоинству из Магистратских же чинов и других достойных, на каждое место человека по два или по три; при которых выборах с Магистратскими Членами быть и подписываться от гильдов старшинам, и кого выберут, тех представлять и подтверждать вышеписанным образом достойных. Но при том смотреть, чтоб всех Членов иноверных не больше половины было, и у главных дел цервенствовать Российским природным, а прочих чинов и служителей избирать и принимать всему Магистрату, без представления командиру градскому, верных, достойных и неподозрительных, а другим никаким командам в те выборы ничем к ним не мешаться и не препятствовать.

7. Чтoб Магистратское Правление и Членов оногo принимали и респектовали так, как от Нас Императорскаго Величества к правительству градскому учрежденных; того ради Всемилостивейше жалуем в штатские ранги: Бургомистров в 9 класс, Ратсгеров в 10 класс, им же достоинство и честь Шляхетскую иметь по смерти, или кто в преступление впадет, за которое по суду лишен будет того чина, також позволяем Магистратским Членам Русским и иноземцам Европейским шпаги носить, а иноземцам Азиатским сабли, и во время общаго в Магистрат собрания в особливом черном платье заседать.

8. Впрочем жалуем сей Магистрат и все купечество и ремесленных определяем иметь особливую градскую печать, которую всегда хранить в Канцелярии Магистратской, в особом ящике за замком и печатью заседающаго Бургомистра со изображением в той печати, как следует ниже сего, красками изображенная, со описанием сим: в щиту золото и черная краска, трижды по-

перек разделены суть Государственные цветы, в знак Нашей Императорския милости; а для того трижды разделены, что трех подданных наших народов сей город защитою и прибежищем быть имеет; два копыя в щите и два ж, наверху сложенные, и два по сторонам стоящие наяданы, что оные народы сие оружие обыкновенно на войне употребляют.

9. При сем же учреждении Всемилостивейше Магистрату и гражданству определяем доходы на жалованье, на содержание церквей, школ, гошпиталей и на публичныя строения, а именно: в первые три года позволенные торговать беспошлинно, городской части по два процента с рубля, а в следующие потом годы, тех двух процентов не брать, а получать из настоящей таможенной пошлины, какая там по состоянию тамошних торгов без отягощения положена будет; также и из акцизу треть, да с торговых караван-сараяв, то есть с гостиных дворов, с кладовых анбаров, с торговых рынков, с лавок и прочих, какие быть имеют по обычаю купеческому обычные с земли сборы, от градской печати, от зашкисы в гражданство и в цехи, поскольку Магистрат и гражданство заготовлено и без тягости установить, и на то конфирмацию получать особливо, на школы и госпитали выморочных граждан имени и штрафные всякия деньги.

10. Тем всем градским доходам как ныне назначенным, так ежели впредь същутся без тягости людской по усмотрению Магистратскому и всего гражданства доходы, сколько действительно в сборе и на какие расходы употреблены будут и что за расходом останется, о том генеральные годовые курант-счета по регулу Бухгалтерскому подавать командиру того города, а именно в Генваре месяце наступившаго года; а командиру, определяя от себя одного или двух человек, обще с Магистратскими депутатами освидетельствовать счета, отсылать в Нашу Ревизион-Коллегию для внесения в Государственную о приходах и расходах табель.

11. Також Всемилостивейше соизволяем в сем новом городе Европейским иноземцам и Азиатским народам свободное содержание их вер и Духовных персон, строение по своим законам церквей. Но при том их себя содержать в надлежащем порядке, не примешиваясь к тому, от чего б могло быть

предсуждения Нашей Христианския Восточныя Кафолическия Всероссийския церкви и Нашим Государственным правам и Уставом.

12. Свободное же произведение всем, как Российским, так и иноземцам всяких заводов и фабрик в городе, требовать порозжих мест, тем давать от Магистрата безденежно и вечно. При том же позволяется такие фабрики и заводы строить и иметь около города расстоянием до 100 верст в ведомстве и признание городскаго Магистрата, токмо кои земли Башкирскаго народа, о тех прежде иметь со владельцами письменные договоры, а без владельческаго письменнаго договора отнюдь не допускать. Сверх того фабрикантам и заводчикам чинить от Магистрата пристойное вспоможение и наставления, дабы чрез умножение таких заводов и фабрик, город и жители пользу имели.

13. Никого из граждан неволю ни в какие службы, и к делам, и к сборам, и в счетчики не брать и тем от их гражданскаго промысла отнюдь не отлучать; а кто сами пожелают из жалованья служить, тех Магистрату не удерживать.

14. Постояю никакому у всех граждан не ставить, а для определенных к делам Нашим, и для приезжих на время, и для воинских людей сделать особые дома, которые во всякой исправности содержать градскому командиру; а Магистрат и граждан тем ничем не обязывать, и дров и свеч от них не требовать.

15. Всем гражданам позволяется товары свои по осмотре таможенном и по заплаче пошлин вольно иметь и содержать в своих домах, анбарах и в других покоях, где к своему охранению хотят. А которые приезжие, как Русские, так и иноземцы, не запишутся в здешнее мещанство, тем в публичных гостиных дворах и анбарах, так и в насмных у граждан собственных, кои по силе сей привилегии построят.

16. Пиво, вино и мед варить, водки строить про себя и на продажу и содержать вольные дома гражданам свободно; также из других мест, кто откуда может, всяких чинов людям на продажу в сей город привозить и продавать гражданам оптом не запрещается; точно со всего того платить акциз, какой по усмотрению командира обще с Магистратом положен будет и Наша Всемилостивейшая конфирмация воспоследует.

17. Кроме купечества и ремесленных, и Башкирскаго и других иноверческих народов, другим, как воинским, так и штатским чинам, отнюдь торгов не иметь, а ремесленным, не записався в цех, на сторону и на продажу не работать под потеряннем всех тех товаров, с которыми пойманы будут.

18. Всякаго звания служилым и штатским всем приезжим чинам, купцам, мастеровым и иноверцам являться сперва при въезде в город на заставах и записываться, с тем кто едет и с каким пашпортом или без пашпорта и, не держав ничего, впускать. Также, кто из города хочет отъехать, тем давать пашпорты, купцам и ремесленникам и иноверцам, кои для торгоа приезжали, из Магистрата за Магистратскою печатью, а прочим, к Магистрату не подсаждашим, от градскаго управителя, с которыми потому же, на заставе записав кратко, отнюдь не удерживать; а Башкирцам никаких пашпортов не иметь, понеже они около сего города жители, дабы напрасно в брани пашпартов труда им не было.

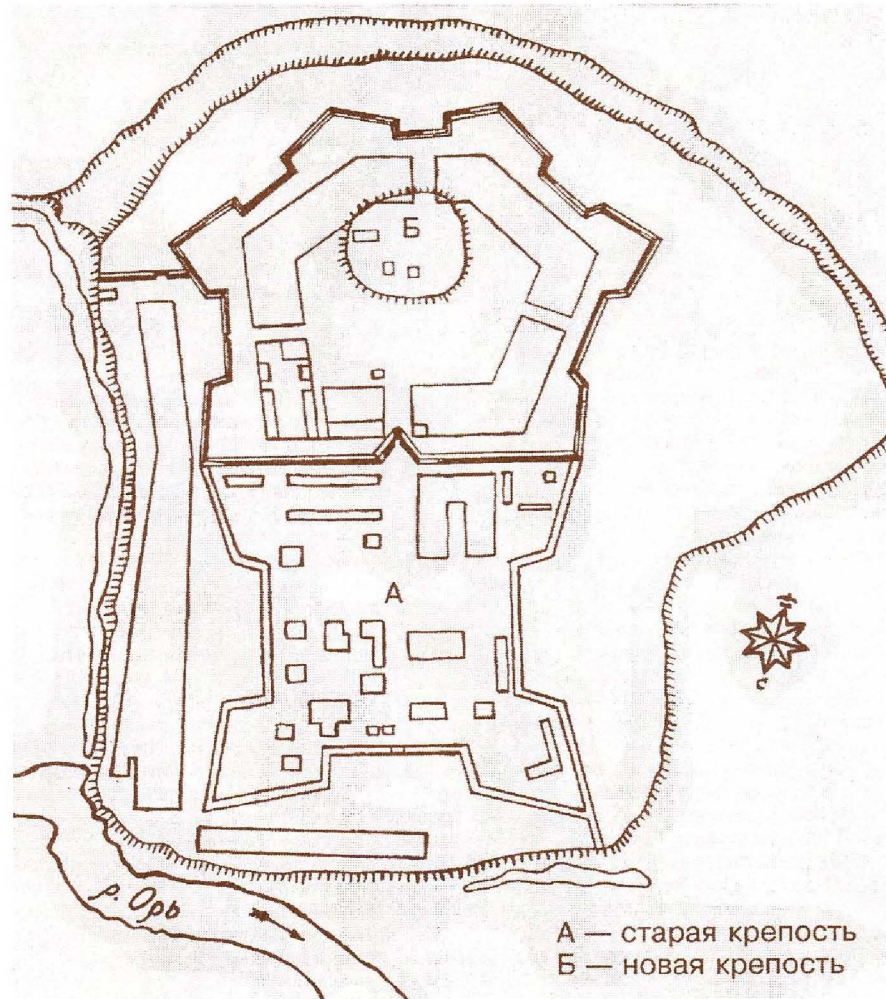
19. Во утверждение вышеписаннаго всего принимаем Мы Магистрат и купцов и ремесленных во особливое зашщитение и охранение, собственные Нашей Императорскаго Величества милости, а от разных команд воинских и гражданских, какие б в том городе впредь ни случались, отрезаем, но все то Всемилостивейше полагаем на полное собрание Магистрата под призрением командиру сего города. И ежели б что Магистрат несправедно решил, и будет у них у градскаго командира челобитье, и те прошения сперва командиру с другими своими товарищами обще рассмотреть; и буде надлежит дело смотреть, тогда, призвав Магистратских Членов с делом, слушать вновь, и, учиния присягу в правосудии, решить обще, а которые прошения явятся недельныя, такие, не призывая Магистрат, отдавать челобитчикам, а кто и сим решением недоволен, таким бить челом о переносе тех дел в Нашем Сенате или в Сенатской Конторе, где рассматривая, решить по тем же правам и обычаям, по которым в градском Магистрате решено. А кои дела в Магистратском суде словесно происходили по таможенному или Азиатских народов обычаю, о тех и градскому командиру словесно разбирать, и правды сыскивать и оканчивать словесно ж и безпристрастно,

и на такой словесной суд более апелляции не иметь, разве вновь с головы похотят произвести суд письменной.

20. Что же ко изъяснению по сей Нашей Всемилостивейшей привилегии к доброму порядку и учреждению гражданскому и к скорому правосудию и удовольствию просителей надлежит, о том впредь градскому командиру с Магистратом сочинить

Регламент и для Всемилостивейшаго Нашего рассмотрения и кофирмации прислать к Нам.

И тако сию Нашу Императорскую Всемилостивейшую привилегию собственною Нашею Императорскаго Величества рукою подписали и Государственною печатью утвердить повелели.

План Оренбургской (Орской) крепости (по Р.Г. Букановой)

ХронографЪ

Перечень событий,
относящихся к
территории
Оренбуржья,
начиная с XIII века

(Продолжение)

Правление Анны Иоанновны

1735. Иван Кириллович Кирилов 11 апреля выступает в поход из Уфы к Яику (р. Урал), пройдя более 500 верст, испытав в пути многие затруднения и острый недостаток продовольствия, 6 августа приходит с отрядом к устью р. Орб. 15 августа здесь заложена крепость Оренбург с 4 бастионами и цитаделью и поставлена временная церковь в честь Преображения Господня.

По выступлению Кирилова в Уфу, в Оренбурге оставляется гарнизон. Казанский губернатор граф Мусин-Пушкин послан с войском усмирять башкирский бунт. Кирилов вызван в Петербург. Мусина-Пушкина сменяет генерал-лейтенант Румянцев.

1736. Указом 11 января инородцы, не участвовавшие в бунте, получают земли, на которых жили. Офицерам и дворянам дозволено покупать земли у башкир.

Румянцев переведен в Малороссию. Казанский губернатор – князь Голицын. В Мензелинске открыта судная комиссия под его председательством.

Оренбургскому купечеству даны привилегии.

1737. В начале года Кирилов возвращается из Петербурга.

14 апреля Иван Кириллович Кирилов (1689-1737) умирает от болезни в Самаре.

1738. 10 марта на место Кирилова назначен начальник Екатеринбургских заводов тайный советник Василий Никитич Татищев (10.04.1686-15.07.1750). Ему велено продолжать начатое Кириловым.

14 июля по образованию Исетской провинции, подчиненной Оренбургскому ведомству, основана крепость Челябинская.

Татищев подает проект о перенесении Оренбурга с Ори на урочище Красная горка.

1739. На место Татищева, уволенного от управления Оренбургскою комиссиею, назначен генерал-лейтенант князь Василий Александрович Урусов (ок. 1690-1741).

Башкиры признают своим ханом самозванца Карасакала, башкира Юрматинской волости, выдавшего себя за брата Зюнгорского хана Гайдан-Черена.

Оренбург перенесен с устья р. Ори на урочище Красная горка и сему городу дан герб. Здесь предположено сосредоточить меновую торговлю с киргизами. Оренбургским купцам даны новые привилегии.

Составлена карта земель, подведомственных Оренбургской комиссии и Уфимской провинции.

Замечательные деятели Оренбургского края

К 270-летию (14 апреля 1737 года) со времени кончины Ивана Кирилловича Кирилова, автора проекта по освоению Оренбургского края, первого начальника Известной (Оренбургской) экспедиции.

Иван Кириллович Кирилов (1689 – 14.04.1737)

Историческая справка

Государственный деятель, ученый. Незаурядные способности, неутомимая энергия и разносторонние знания отличали его в научной и государственной деятельности. Происходил из «священнических детей». Учился в Московской математико-полицейской школе.

С 1711 года Кирилов работал в канцелярии Сената в Москве подьячим. В 1721 году получил чин секретаря Сената, а вместе с ним и потомственное дворянство, в 1727 году – оберсекретарь Сената. С этого времени Кирилов стал занимать заметное место в среде высшей бюрократии России.

Одним из направлений работы Кирилова в России было руководство топографо-картографическими работами. Ему удалось обеспечить систематическое проведение съемно-картографических работ на огромной территории, собрать материал, послуживший основой «Атласа Всероссийской империи» (1734) и «Атласа Российского» (1745). В 1734 году вышла в свет Генеральная карта России. Кирилов деятельно участвовал в организации 2-ой Камчатской экспедиции во главе с Берингом. Особенно много он сделал для отправки академической группы экспедиции (Г.Ф. Миллер, И.Г. Гмелин, С.П. Крашенинников).

Научные интересы Кирилова нашли выражение в труде «Цветущее состояние

Всероссийского государства», написанного в 1727 году (опубликован в 1831). Это было первое статистическо-географическое описание России, в котором был приведен не только описательный, но и большой цифровой и статистический матери-

ал, охватывающий разные стороны социально-экономической жизни России. Был постоянным корреспондентом газеты «Санкт-Петербургские ведомости», помещал краткие заметки и сообщения на самые разнообразные темы (о деятельности Оренбургской экспедиции, о постройке медеплавильных и железоделательных заводов в Башкирии и пр.).

В 1734-1737 годах статский советник и бригадир Кирилов возглавил Оренбургскую экспедицию, задачей которой было изучение обширного края и укрепление оборонительной линии по рекам Оби и Яику. Ему удалось организовать разведку полезных ископаемых, начать строительство 20 крепостей и ряда заводов. Кирилов основал «первый» Оренбург в устье реки Орь – 1 мая 1735 года заложена крепость, а 31 августа основан город Оренбург (на месте нынешнего г. Орска).

Напряженная работа и походная жизнь разрушили здоровье Кирилова, он заболел туберкулезом и умер 14 апреля 1737 года. Похоронен в Самаре, при церкви свт. Николая Чудотворца.

К 230-летию со времени кончины Петра Ивановича Рычкова (15 октября 1777 г.) и к 140-летию выхода в свет монографии академика Пекарского «Жизнь и литературная переписка Петра Ивановича Рычкова» (1867 г.) – первого биографического труда о жизни и деятельности «оренбургского Ломоносова» и «Колумба Оренбургского края», как называли Рычкова. Газета «Оренбургские губернские ведомости» в своих последних номерах 1869 года вкратце ознакомила оренбуржцев с этим трудом, послужившим основой для всех последующих работ о П.И. Рычкове.

Петр Иванович Рычков (1.10.1712 – 15.10.1777)

Петр Иванович Рычков родился в городе Вологде 1 октября 1712 года. По своему происхождению он принадлежал к местному купеческому сословию, а фамилию унаследовал от своих предков, по имени Ферронта, прозванного Рычак или Рычка.

П.И. Рычков.
Гравюра Н. Брезе. 1776 год

Отец Рычкова, торгуя хлебом, отправлявшимся через Архангельск за границу, имел случай познакомиться со многими иностранцами, которых, по словам самого Петра Ивановича, очень любил. Когда торговые дела Рычковых вследствие разных обстоятельств порасстроились, Иван Иванович оставил Вологду и переселился со всем семейством в Москву. Сношения с проживавшими здесь иностранцами побудили его благоприятно озаботиться обучением сына иностранным языкам. Молодой Рычков выучился сначала по-голландски, ознакомился с торговлею бухгалтерию под руководством тогдашнего директора полотняных фабрик Тамеса, а когда по смерти последнего Рычков-отец вынужден был переселиться в Петербург, то молодой Рычков получил место управляющего казенными Ямбургским и Усабинскими стеклянными заводами, входившими в ведение одного англичанина Эмзена. Живя в Ямбурге, центре управления заводами, Петр Иванович женился и вслед затем, когда один из заводов был переведен в Петербург, переехал на жительство в этот город. К этому времени относится первое знакомство Рычкова с известным Кириловым. В своих записках рассказывает о нем Петр Иванович следующее: «По прибытии в Санкт-Петербург увидел я, что по определению Правительствующего Сената в санктпетербургскую портовую таможню принят был иностранный бухгалтер с такою кондициею, чтоб тут содержание книг и счетов по европейской бухгалтерской регule установить. Ему для того окладного жалованья положено было по 800 рублей в год, а когда русских обучит оному делу, то обещано было особое вознаграждение, чего ради дано ему было из Ака-

демии несколько молодых людей в учение, знающих арифметику. Ему ж велено было придать и переводчика, ибо он те книги содержал не на русском, но на немецком языке. В рассуждении сего дела явился я у г. статского советника Кирилова, который тогда в Правительствующем Сенате был Обер-Секретарем, и донести, что я бухгалтерству издетства учился, просил определения. Он, поговоря со мной о том и усмотря, что я оное разумею, велел мне в Правительствующий Сенат об определении меня к тому делу подать прошение, кое я, подав, вскоре и определение получил о бытии мне при портовых и при оных бухгалтерских делах переводчиком и означенному бухгалтеру помощником с жалованьем в 150 рублей в год. И хотя с год бывши у оных дел, обладаем был определением на место того, по контракту служившего бухгалтера, ко всему тому, для чего он был определен; но, как поминутый г. Статский Советник по именному указу блаженной памяти Государыни Императрицы Анны Иоанновны определен был для многих государственных интересов и важных намерений, и повелено ему было между прочих чинов прискаты и с собою взять искуснаго бухгалтера, то по тому именному указу в 1734 году от Правительствующаго Сената определен и с ним отправлен я был в ту экспедицию бухгалтером...».

II

Служба Рычкова в Оренбургском крае. Переписка с Татищевым и первые литературные труды

В 1734 году, когда хан Меньшой киргизской орды Абул-хаир заявил о своем желании вступить в подданство России, тогдашний обер-секретарь Сената Иван Кириллович Кирилов, представив свои предположения о распространении торговли с Азиею и получил по одобрении этих предположений поручение построить на р. Ори город, еще до основания названный Оренбургом... Рычков, назначенный бухгалтером при этой экспедиции, отзывается с большим уважением о Кирилове, сумевшем благодаря трудолюбию и способностям обратить на себя внимание Петра Великого

В.Н. Татищев.

Прижизненная гравюра. 1720-е годы

и, начав службу с самых нижних чинов, достигнуть немаловажного в те времена звания сенатского секретаря. Говоря об образовании Кирилова, Рычков прибавляет: «Наукам, хотя формально не обучен был и оных основательно не знал, но был великий рачитель и любитель наук, а особливо математики, механики, экономии и металлургии, не жалея при том никакого своего труда и иждивения...».

Кирилову не удалось осуществить своих предположений...

Пресмником Кирилову является другой, еще более замечательный деятель, Василий Никитич Татищев, составивший о себе громкую известность своею страстью к историческим разысканиям и всякого рода ученым исследованиям о России.

Какую роль играл при Кирилове, а потом и при Татищеве Рычков, видно из следующих слов его записок: «Будучи в той экспедиции, как от него, Кирилова, так и бывших после него генералитетов, употреблен я был всегда (кроме одного первого года) и почти безотлучно к нужней-

шим военным делам. Они, т.е. начальники, ... усмотря, что я к правлению канцелярских дел других был способнее, все канцелярское правление на меня одного положили. При таких обстоятельствах имели они меня всегда и во всех походах безотлучно при себе и подлинно содержали меня в отменной милости...».

Покровительство, оказываемое Рычкову Татищевым, основывалось не на одной его способности к делу, но и на сочувствии ко всякого рода ученой деятельности, несмотря на то, что в нем самом достаточной для того подготовки не было. С Татищевым Рычков продолжал переписываться по разным ученым вопросам и после того, как этот бывший покровитель, отставленный от службы, вынужден был проводить последние годы своей жизни в сельском уединении одного из своих поместий. Из этой переписки мы узнаем, какого рода содействие оказывал Рычков нашему историку XVIII столетия.

Татищев переслал в Оренбург к Рычкову целые главы своей «Истории Российской» на просмотр и просил Петра Ивановича сделать в рукописи те поправки, какие только найдет необходимым – в особенности же в тех местах, где встречаются названия, заимствованные из восточных наречий. Последние исправления Рычков делал при помощи знакомого ему тогда оренбургского ахуна. От поправок же другого рода положительно отказывался, как это видно из одного места его письма от 1 мая 1750 года: «Сие дело выше моей меры и сведений, да и не чаю, чтоб кто с резонном мог какую-либо критику на оную (историю) учинить».

Из расположения к Рычкову Татищев взял на себя ходатайство о доставлении ему звания члена Академии наук, и с этою целью писал несколько раз о Рычкове советнику Академии Шумахеру, прилагая копии с писем и статей своего бывшего подчиненного, но все старания Татищева по этому делу не имели успеха. Между прочим, от правлены были Татищевым в Академию два труда Рыčkова: 1) Подробное описание г. Оренбурга, послужившее для последующих трудов автора об Оренбургском крае, и «Краткое известие о татарах и о нынешнем состоянии народов, которые в Европе под именем татар разумеются».

III

Поездка в Петербург с представлением о торговле с Индиею. Посылка Ломоносову «Оренбургской Топографии». Переписка с Миллером

15 марта 1744 года учреждена была Оренбургская губерния и первым Губернатором был назначен Иван Иванович Неплюев. По его распоряжению отправлен был Рычков в Петербург с представлением «Об оренбургской коммерции и о распространении оной в полуденную Азию даже до Индии». Соображения, заключающиеся в этих представлениях, были признаны основательными, но предложенным на основании их мерам не суждено было осуществиться, хотя Рычков и был награжден за свой проект чином коллежского советника, – вознаграждение, ценившееся им несобыкновенно высоко, даже сравнительно с более существенной наградой, полученной перед тем и состоявшей в пожаловании земель в Оренбургском крае.¹ В эту же поездку в Петербург Рычков познакомился с Ломоносовым и, когда окончил по возвращении первую часть своей «Оренбургской Топографии», то отправил ее еще в рукописи к этому уже в то время пользовавшемуся большой известностью писателю. Ломоносов отвечал по присылке письмом, в котором сообщил Рычкову, что академическое собрание одобрило его труд и постановило его напечатать, а приложенные к нему карты вырезать на меди.

В 1755 году Рычков был польщен появлением в печати своей статьи «Разговоры о коммерции», которую Миллер, не зная имени автора поместил с похвальным об ней отзывом в своем издании «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие». По этому поводу между любознательным академиком и этнографом Оренбургского края возникла переписка, продолжавшаяся почти без перерыва в течение двадцати лет. Миллер особенно интересовался торговлей с азиатцами в Оренбургском крае, и Рычков по желанию его высмал о ней какие только были в Оренбургской губернской канцелярии сведения, группируя их со-

гласно указанному ему образцу в описании, составленном Миллером, «О сибирских торгах».

IV

Рычков – член-корреспондент Академии наук. Отношения к Ломоносову. Отставка. Представление императрице. Возвращение в Оренбург

Посвящая не многие свои досуги ученым изысканиям об Оренбургском крае и сообщая свои исследования академику Миллеру, Рычков питал весьма основательную надежду получить звание члена Академии наук, которой труды его были хорошо известны. В письмах к Миллеру он решился высказать свое желание и просил содействия в этом деле почтенного историографа. Ходатайство Миллера перед академической конференцией о включении Рычкова в число почетных членов Академии не увенчалось однако желаемым успехом, благодаря противодействию Ломоносова, который вместе с другими академиками, подавал по этому вопросу доклад, где проводил ту мысль, что для поддержания ученого достоинства Академии, она должна поступать с крайнею разборчивостью при выборе своих почетных членов и ни в каком случае не допускать до этого звания людей, «кои общаго в ученом свете латинского языка не знают и главных ученому человеку необходимо нужных словесных наук, также математики по последней мере элементарной и философии не разумуют». На этом основании Ломоносов не находил возможным избрать Рычкова почетным членом Академии, а предлагал учредить особое звание членов-корреспондентов для лиц, содействующих ей своими трудами, и первый диплом на это новое звание предложить коллежскому советнику Рычкову. Предложение Ломоносова было принято, утверждено президентом, графом Разумовским, и Рычков получил звание члена-корреспондента Академии наук, чем по скромности и нетребовательности своей остался чрезвычайно доволен, благодарил Миллера и писал ему, между прочим, что никаких высших преимуществ не хочет.

И.И. Неплюев.
Литография В. Ключникова. Казань

С увольнением от управления Оренбургской губернией Неплюева в 1758 году взял себе годовой отпуск и Рычков, ссылаясь на расстроенное здоровье и поселился затем в своем имении в селе Спасском, откуда все-таки продолжал переписку с Миллером, добиваясь получения формальной бумаги из Академии об оказании ему содействия при исполнении ученых поручений. В начале 1761 года мы видим уже Рычкова в Петербурге, где он получил окончательное увольнение от службы. Незадолго до возвращения Рычкова к себе в деревню произошла ссора Ломоносова с Миллером, и как последний по отъезде Рычкова два месяца не получал от него писем, то и воображал, что в их отношении вмешался Ломоносов. Подозрения Миллера были неосновательны, и как оказалось при возобновлении им переписки с Рычковым причиной временного прекращения ее было весеннее распутие – причина для тогдашнего состояния у нас путей сообщения весьма уважительная...

Живя в Спасском Рычков на досуге писал свою автобиографию, заключающую в

себе подробный рассказ обо всех обстоятельствах его жизни, доведенный им впоследствии до 20 марта 1777 года, то есть почти до самой смерти автора, скончавшегося в октябре того же года.

В декабре 1761 года у Рычкова спорел в деревне дом, и это обстоятельство вынудило его хлопотать о поступлении снова на службу, но все хлопоты его, как о получении места директора казанской гимназии, так и об участии в работе Комиссии, образовавшейся в Петербурге по вопросу о торговле России с Индией, оставались тщетными. Ограничившись посылкою Миллеру своей статьи под заглавием «Мнение о распространении Оренбургской Коммерции в дальнейших азиатских странах и о средствах, к тому надлежащих», Рычков помирился было со своим положением сельского жителя, в особенности, когда в 1764 году был пожалован статским советником, что в своих записках называет он «знатнейшим приключением своей жизни», как новое расстройство его обстоятельств вынудило его опять прийтись за присписание себе места. Почти пять лет прошло, когда старания Рычкова увенчались успехом, и он был определен чиновником по устройству поставок илецкой соли с жалованьем по 1000 рублей в год. Важнейшим событием его жизни в течение этих пяти лет было, без сомнения, представление императрице Екатерине, о котором Рычков так рассказывает в своих записках: «12 числа марта имел я счастье предстать Ея Императорскому Величеству, всемилостивейшей моей Монархини и удостоился из уст Ея Величества услышать следующие слова: «Я известна, что вы довольно трудитесь в пользу отечества, за что вам благодарна». После того поднес я Ея Величеству сочинения моего печатную книжку под именем «Опыт Казанской Истории, с приобщенною к ней на Высочайшее Ея Императорского Величества имя дедикацию, которую, сама приняв из рук моих, изволила еще более благодарить и более часа в парадной своей опочивальне разговаривала со мной, расспрашивая меня о городе Оренбурге, о ситуациях тамошних мест, о хлебопашестве и о Коммерции тамошней так снисходительно и милостиво, что сей день наилучшим и счастливейшим в жизни моей почитать мне надлежит».

V

Сочинения Рычкова по истории и географии России и историко-географические известия в его письмах к Миллеру

Находясь в постоянной переписке с академиком Миллером, Рычков доставлял последнему нередко статьи для его издания. Так в 1758 году он послал «Описание о начале Оренбургской Комиссии» и «Письмо о земледелии в Казанской и Оренбургской губерниях», заключающее в себе довольно обстоятельные известия о положении хлебопашества в нашем крае сто с лишком лет тому назад, о тогдашних земледельческих орудиях, о способах обработки земель, посевах и уборке хлебов и т.п.

В 1759 году явилось в печати новое сочинение Рычкова «История Оренбургская по учреждению Оренбургской губернии». Здесь рассказаны события, касающиеся этого края от времени Петра Великого до 15 марта 1744 года, то есть до окончательного образования Оренбургской губернии. Как член местной администрации Рычков распространяется в этом сочинении о различных административных мерах, принимавшихся в его время... В том же году Миллер напечатал доставленное ему Рычковым продолжение «Истории Оренбургской», заключающей в себе обзор событий края с 1744-го по 1751 год, а в 1762 году напечатаны обе части «Оренбургской Топографии». К рукописному экземпляру этого сочинения, сохранившемуся в Академии наук, приложено было 12 карт, к которым известия Рычкова служат объяснительным текстом. Эти карты могут быть важным пособием для исследователя постепенного заселения Оренбургского края переселенцами из России. В том же 1762 году сочинение Рычкова вышло отдельною книжкою в двух частях под заглавием «Топография Оренбургская», т. е. обстоятельное описание Оренбургской губернии, сочиненное Коллежским Советником и Императорской Академии Наук Корреспондентом Петром Рычковым... Какое значение имело в тогдашнем литературном мире появление «Топографии Оренбургской» видно из того, что Илецк немедленно же получил об ней потребную и весьма лестную рецензию, а известный Паллас даже принялся за перевод ее на немецкий язык, хотя этот последний

труд остался неоконченным, зато через несколько лет, в 1771 и 1772 годах, появилось два полных перевода труда Рычкова на немецком языке, один в Берлине, а другой в Риге. Последующее за тем сочинение Рычкова «Опыт Казанской истории» не отличается особенностью обстоятельностью и по многим уступает «Оренбургской Топографии», так как содержит в себе гораздо более заимствованный. В 1774 году в Москве напечатано его сочинение под заглавием «Введение к Астраханской топографии, представляющее в первой части разные известия о древнем состоянии сей губернии и обитавших в ней народов; а во второй – о покорении сего царства под державу российских Монархов»...

В промежутках между посылкою к Миллеру своих сочинений, предназначавшихся для печати, Рычков не переставал сообщать ему разные сведения по части географии и истории Оренбургского края. Из этих сообщений наиболее интересны: 1) роспись карт и журналов, хранившихся в Оренбурге при «*Географических делах*»; 2) карта Средней киргиз-кайсацкой орды; 3) карта Закамской линии; 4) Записка об экспедиции князя Бековича.

VI

Сношения Рычкова с Академией по вопросам естествознания. Статьи его в «Трудах Вольного Экономического общества». Участие сына Рычкова в ученой экспедиции. Посещение села Спасского академиком...

Хотя Рычков не был специалистом по естественным наукам, но к его посредству по разным вопросам естествознания нередко обращались его ученые современники. Так, по просьбе Миллера Рычков доставлял разного рода руды и камни с указанием местонахождения их в тогдашней Оренбургской губернии, куски илецкой и самарской соли, плезда птички ремеза (*ragus pendulius*), чучело земляного зайца, белужий камень и т.п. Все эти предметы требовались для пополнения коллекции натурального кабинета барона Строганова, составившего его во время своего заграничного путешествия. Независимо от исполнения подобных поручений, к чему Рычков мог побуждаться не одними научными интересами, он достав-

лял от времени до времени в Академию экземпляры произведений Оренбургской природы. Между прочим, отправлены им были туда в 1754 году чучела выхухоли, рашик камня, находимого в желудке барана, экземпляр водяного воробья и др. Посылки эти сопровождалась более или менее обстоятельными объяснениями о местах нахождения и другие подробности касательно препровожденного предмета. Миллер нередко пользовался сообщениями Рычкова для своих статей, из которых одна «О рыбьем клее» написана на основании «Описания, как в Яицком городке клей делается», составленного Рычковым...

По основании в 1765 году в Петербурге Вольного Экономического Общества Рычков, благодаря приобретенной им в ученном мире известности и хорошему знакомству с одним из учредителей Общества, Таубертом, был сделан его членом. Избранием этим и полученными серебряною и золотою медалями Рычков был очень польщен и всячески старался поддерживать с обществом свои сношения присылкою статей по разным сельскохозяйственным вопросам. Замечательнейшие из них по отношению к Оренбургскому краю следующие: 1) «Опыт о козьей шерсти», 1766 г.; 2) «О мануфактурах из хлопчатой бумаги и из верблюжьей шерсти»; 3) «О медных рудах и минералах, находящихся в Оренбургской губернии», 1766 г.; 4) «О содержании пчел», 1768 г.; 5) «О кошенале и червеце», 6) «О способах к умножению земледелия в Оренбургской губернии», 1767 г.; 7) «Ответы на экономические вопросы, касающиеся до земледелия по разности провинций кратко и по возможности изъясненные в рассуждении Оренбургской губернии»; 8) «О горячей угольной земле» (здесь описаны опыты Рычкова с каменным углем, отысканным в дачах одной татарской деревни); 9) «Об урожае хлеба в 1769 г.»; 10) «Описание Илецкой соли» с подробным планом Илецкой Защиты и тогдашних соляных копей; 11) «О приготвлении в пипу во время крайней нужды говяжьих и бараньих кож». Эта статья Рычкова заключала в себе описание способа, изобретенного Рычковым во время шестимесячной осады Оренбурга Пугачевым. Рычков придумал вываривать студень из коровьих и бараньих кож и печь из них булки, пироги и пр. К сожалению, это полезное изобретение послужило к немалой

му огорчению нашего автора, так как представляя о нем особую записку в Экономическое общество, он забыл исполнить одну из считавшихся при подобных случаях необходимых формальностей, а именно – не скрыл своего имени под девизом, а подписал его полностью. Общество за несоблюдение одного из условий назначения наград за полезные сочинения и изобретения отказало выдать Рычкову следовавшую ему по праву медаль, чем Петр Иванович был так глубоко огорчен, что писал по этому поводу Миллеру: «Правда, что я огорчен от экономического собрания удержанием золотой медали, мне присвоенной, и незнаю, могу ли себя преодолеть, чтоб впредь пиесы мои в оное посылать».

Когда в 1768 году наряжены были по воле императрицы Екатерины пять ученых экспедиций для исследования особенностей климата, почвы, естественных произведений и разных сторон быта в России, Рычков выхлопотал право на участие в одной из этих экспедиций, находящейся под начальством Палласа, для своего старшего сына Николая. Молодой Рычков, находясь в распоряжении Палласа... объездил часть нынешних губерний: Казанской, Оренбургской, Уфимской, Вятской и Пермской. Усердие к делу и добросовестность в исполнении возлагавшихся на него поручений вознаграждали отчасти недостаток ученой подготовки в молодом человеке, и его интересные записки напечатаны были на счет Академии под заглавием «Журнал, или дневные записки путешествия Капитана Рычкова по разным провинциям Российского Государства в 1769 и 1770 году».

Допущение молодого Рычкова к участию в ученой экспедиции свидетельствовало отчасти об уважении, каким пользовался его отец между членами Академии наук. Действительно, ни один из них не пропустил случая побывать у Петра Ивановича в его селе Спасском, как только представлялась к тому возможность. Первый, посетивший Рычкова в его имении, был академик Лепехин, отзывавшийся весьма лестно об этом знакомстве с «мужем, отменными любопытными упражнениями у нас знаменитым». Лепехин воспользовался советами Рычкова для более успешного разыскания медной руды по реке Соку и с любопытством следил за наблюдениями над пчела-

ми, для которых владелец Спасского имел особенно устроенные стеклянные ульи, напомнимшие Лепехину ульи, изобретенные известным ученым Реомюром.

Месяца через полтора после отъезда Лепехина посетил Рычкова знаменитый Паллас, упоминающий в своем путешествии об этом обстоятельстве таким образом: «Пятого числа (октября) проехали мы по лежащей от Кичуя почтовой дороге деревню Малую Бугульму на реке того же имени и прибыли в село Спасское, в котором обыкновенно живет прославившийся своими сочинениями и по заслугам достойный Г. Статский Советник Рычков, где я по причине ласкового приятия и весьма приятного обхождения оного прусского мужа пробыл до 11 числа сего месяца». Далее следует описание самого села, упоминание о рыбе кутеме, выхухоли, земляном зайце, серном городке и т.п.

Приезжавшие в следующем 1769 году в Оренбургскую губернию также по поручению Академии астрономы Лович, Крафт и Эйлер, сын знаменитого математика, сочли тоже своей обязанностью побывать в Спасском. А когда Петр Иванович в 1770 году поступил на службу, то в Оренбурге имел случай познакомиться с членами другой ученой экспедиции – Фальком и Георги.

Между тем Рычков не прекращал и заочных сношений своих с Академиею. В том же 1770 году по просьбе профессора Лакемана, которому знаменитый Линней указывал на полное отсутствие сведений, относительно русской энтомологии, Рычков доставил реестр всем насекомым, которых только знал в Оренбургском крае, по с такою оговоркою: «Сии имена у нас по большей части генеральные, на целый род. Специальные звания подлинно вновь вымышлять у нас надобно». В комментариях Академии напечатано вслед за тем сочинение с 12 изображениями разных насекомых. Это было первое ученое исследование по части русской энтомологии.

Из русских ученых Рычков был в переписке с историком князем М.М. Щербатовым и знал адъютанта Академии Козицкого, служившего впоследствии при Кабинете императрицы Екатерины II.

¹На этой земле Рычков поселил деревню, теплее село Спасское Бугульминского уезда Уфимской губернии.

Н.А. Серeda

ОРЕНБУРГСКИЙ КРАЙ И ЕГО ИСТОРИЯ

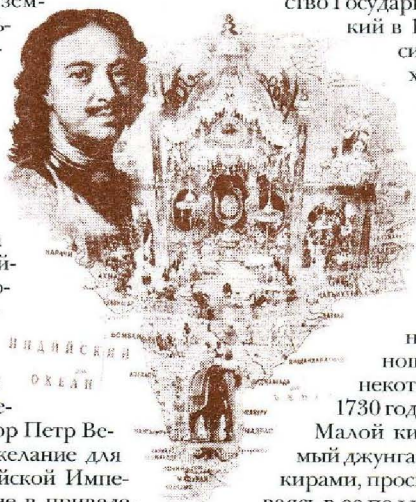
Введение

Петр Великий считал необходимым для торговли со Средней Азией, а чрез нее и с Индией, утверждение нашего влияния в киргиз-кайсацких ордах, которые, по его мнению, были «ключом и вратами ко всем азиатским странам и землям», как о том свидетельствует Тевкелев¹, в одной из записок, в которой, между прочим, говорит: «В 1722 году при Его Императорском Величестве блаженной и высокой славы достойной памяти Государя Императора Петра Великого был я, нижайший, в Персидском походе старшим переводчиком в секретных делах и по возвращении из Персидского похода Его Императорское Величество Государь Император Петр Великий изволил иметь желание для своего отечества Российской Империи полезное намерение в приведение издревле слышимых и в тогдашнее время почти неизвестных киргиз-кайсацких орд в российское подданство, и оное свое монаршее особое мнение меня, нижайшаго, к тому употребить намерение имел, с тем, буде оная орда в точное подданство не

пожелает, постараться мне, несмотря на великие издержки, хотя бы до миллиона, держать, но токмо чтоб одним листом под протекцию Российской Империи быть обязались; ибо как Его Императорское Величество Государь Император Петр Великий в 1722 году, будучи в Персидском походе и в Астрахани, через многих изволил уведомиться об оной орде, хотя-де она я киргиз-кайсацкая степной и легкомысленный народ, токмо-де всем азиатским странам и землям оная орда ключ и врата»².

Но по смерти Петра Великого виды и намерения его в этом отношении были забыты на некоторое время, а именно до 1730 года, когда Абдул-хаир, хан Малой киргизской орды, теснимый джунгарами, калмыками и башкирами, просил защиты России, отдаваясь в ее подданство. Переговоры по делу велись тем же Тевкелевым, автором вышеприведенной записки, и в 1732 году Малая орда присягнула России. Устройство нового края было поручено обер-секретарю Сената известному статисту Кирилову, а затем Татищеву и Неплюеву. Ревностны-

ми усилиями их пространства между городами Омском и Уральском в промежутке между которыми существовал до 1730 года один только пригородок Сакмарск,³ связалось вскоре населенною линиею по берегам рек Урала и Уя, отрезав башкирские земли от степной орды с целью прекращения постоянной вражды и грабежей между киргизами и башкирами.⁴ Но хотя благородие правительства нашего со временем достигло окончательного примирения двух враждующих народностей, то есть содействовало прекращению вражды башкир с кайсаками, тем не менее, в орде последних смуты и усобицы в силу известных условий продолжались до последнего времени, и следует заметить, что русские поселения всегда или, по крайней мере, очень часто несли в этих смутах плачевную долю «похмелья в чужом пиру»...

Главною виновницею киргиз-кайсацких смут искони была Хива. Ханство это старалось вооружать против нас орды киргизов, даже и после признания последними Российского подданства. Все вышесказанное в степи, преследуемые отрядами наших войск, всегда находили себе безопасное убежище и радушный прием в Хиве. Правда, за такое покровительство мятежникам хивинский владыка посылал своих агентов для сбора с киргизов в свою пользу податей, обогащаясь, таким образом, за счет России.

Присвоив себе власть над кочующими близ хивинских пределов подвластными нам киргизами, каракалпаками и туркменами, хивинцы силою и грабежом вышуж-

дали у них подати (зякет), а эмиссары Хивы, проникая в киргизскую степь с торговыми караванами и под видом мулл возбуждали религиозный фанатизм и ненависть между родами, подучая их не только на грабеж караванов, но и к нападению на линию и на наших рыбопромышленников для захвата пленников и продажи их на хивинском рынке в тяжкое рабство!⁵ Наше правительство долго никак не отвечало на задиранья хивинцев и даже старалось в видах торговых выгод поддерживать дружеские отношения наши с Хивой, но всякому терпению бываюг границы...

В 1839 году с Высочайшего соизволения Оренбургский военный губернатор, впоследствии граф, В.А. Перовский предпринял поход в Хиву. Экспедиция эта не удалась, но, будучи крупным поворотом в нашей политике с Хивой, имела все-таки свои благие последствия, заставив враждебное нам ханство если не совсем отказаться от подстрекательства к мятежам наших кочевников, то все же значительно умерить дерзость своего вмешательства в наши отношения с киргизами...

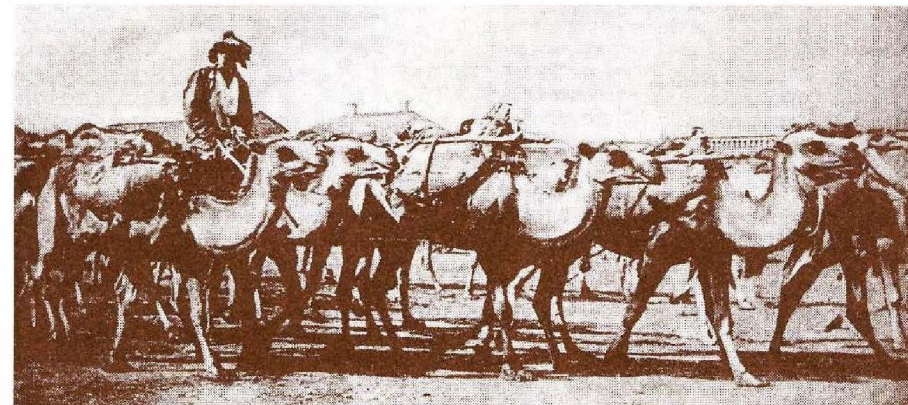
¹Тевкелев был послан одновременно с Хивинской экспедицией князя Бековича-Черкасского 1714-1717 гг. для исследования путей в Индию.

²Военный сборник. 1863. Кн. I. Ст. Голосова «Хивинский поход», с. 11.

³Основанный в 1719 году сибирскими беглецами и занятый с 1721 года по распоряжению правительства ятскими казаками.

⁴Военный сборник. 1863. Кн. I, с. 12.

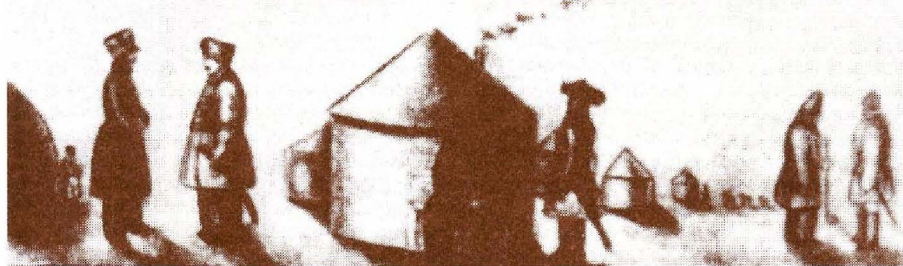
⁵Военный сборник. 1863. Кн. I, с. 36.

Е.М. Косырев

Поход в Хиву в 1839 году

(Из записок участника)

Известно, что в 1839 году был совершен генерал-адъютантом Перовским поход в Хиву, окончившийся полной неудачей благодаря жестокой зиме, стоявшей в этот злосчастный год, и необыкновенно сильным метелям, свирепствовавшим в обширных степях Средней Азии.

Небольшой отряд Перовского не был в состоянии бороться со стихией и после 8-месячной борьбы с выгами и морозом вернулся в Оренбург, похоронив половину людей в азиатских степях и положив массу больных в госпитали.

Ввиду того, что имеющиеся сведения об этом походе весьма ограничены, каждый новый материал о нем, особенно же записки очевидца и участника, представляют, бесспорно, большой интерес, я считаю не лишним поместить записки о походе в Хиву, которые случайно получил от ветерана николаевских времен, участника покорения Средней Азии, полковника Егора Михайловича Косырева, бывшего очевидцем бедствий и неудач, испытанных хивинским отрядом зимою 1839 года.

Еще с 1837 года начали готовиться в Оренбурге к хивинскому походу. Пехота обмундировывалась в теплую одежду и обувь по изобретенной форме для зимнего времени; шились теплые шапки, на магер серых арестантских, с назатыльниками из черного сукна, с красным околышем и огромным четырехугольным козырьком. Полушубки были

сделаны из джибаги, т. е. из сваленной бараньей шерсти, нашитой на холст, поверх которой надевались серые шинели. Подштанники также были на киргизской шерсти и туго простеганы; шаровары, спитые из толстого и черного сукна, были приспособлены к тому, чтобы шинель и полушубок могли свободно входить в них и затягиваться особо устроенным гашником (поясом). Сапоги были настолько широки, что в них помещались кошемные (войлочные) валенки, а на ноги солдат надевал шерстяные чулки и портянки. К воротнику шинели пристегивались на крючках сделанные из заячьего меха накладные воротники, обшитые снаружи красным сукном, а для предохранения лица, носа и подбородка от мороза шились из черного сукна маски, с прорезанными отверстиями для рта и глаз и пришитыми сукошными носами.

Одетые в такую форму солдаты были до безобразия толсты и неповоротливы, а в маске и с ружьем в левой руке солдат уже терял совершенно человеческий облик и походил на черта, какой обыкновенно изображается на лубочных картинках, продающихся в мелочных лавках.

На зауральской стороне, в берегу реки Старицы было устроено много русских печей, в которых высушались хлеба и сушились сухари для формировавшегося отряда. С этой целью были командированы от всех частей хлебопеки и особые кашевары,

которые занимались сушкой свеклы, картофеля, моркови и лука. В манеже была поставлена паровая машина для прессования сена в кубы, чтобы его было удобнее выючить на верблюдов. Этим делом был занят специально выписанный по этому случаю англичанин. Во всех военных мастерских готовились лодки, понтонные сани для похода, выюки для верблюдов, бочки, бочата, ящики разной величины и т. п.

В это же время солдаты обучались собирать и разбирать киргизские кибитки, выючить их на верблюдов и, развьючивая, опять ставить на землю. Для этого подавалась команда: «навьючивай!» или «развьючивай!», «разбирай кибитку!» или «ставь кибитку!». Солдаты быстро усвоили себе способы выючки и установки своих будущих походных хором, но только не в походной одежде, в которой солдат чувствовал себя совершенно скованным. Наконец, к осени 1839 года поспели и верблюды.

Таким образом, были приготовлены к походу 5-й Оренбургский линейный батальон и две роты 3-го батальона, один полк уральских казаков, уфимский казачий полк, бывший в то время регулярным полком на таких же правах, как и уланские, который впоследствии был расформирован за упрямством в г. Чугуеве в 1815 году, одна батарея и одна полубатарея казачьей конной артиллерии и часть крепостной гарнизонной артиллерии, команды саперов и пионеров.

Хивинский отряд состоял из 5217 человек при 22-х орудиях и 4-х ракетных станках и был окончательно сформирован к 18-му ноября 1839 года.

Второй Оренбургский линейный батальон с небольшим числом уральских казаков еще летом отправился вперед для приготовления в степях колодцев и возведения двух временных укреплений на реке Эмбе и Акбулаке. Выполнив свою задачу, батальон этот, оставив часть своих рот и казаков в укрепленных им пунктах, возвратился к осени в Оренбург. 18-го ноября, в 11 часов утра, был назначен командиром отдельного корпуса генерал-адъютантом Перовским смотр войскам, а затем и выступление в поход.

Рано утром, отряд стал собираться за крепостными самарскими воротами, началась выючка верблюдов и укладка в сани всевозможных принадлежностей, заготовленных

к походу. В сани впрягали верблюдов, и когда эта работа была окончена, отряд стал строиться в указанном порядке. Мороз был довольно значительный, но солдаты, одетые в теплую одежду, чувствовали себя бодро и, подшучивая над смешным своим одеянием, ожидали выступления. В 9 часов к отряду приехал начальник 22-й пехотной дивизии генерал-лейтенант Толмачев в походной форме, т. е. в сортуке, подбитом мехом, при эполетах, шарфе и в шапке с большим козырьком и, осмотрев отряд, стал ожидать главного начальника отряда генерал-адъютанта Перовского. Оригинальное зрелище представлял собою отряд, наряженный в неуклюжую свою форму и с масками на лицах у солдат — он положительно имел вид легиона бесов, явившихся из преисподней. В 11 часов прибыл к отряду и генерал Перовский, поздоровался с войсками и, объехав их, приказал двинуть отряд церемониальным маршем повзводно на взводные дистанции через самарские ворота на «парадное место», куда он и отправился вперед, чтобы пропустить мимо себя войска. Генерал-лейтенант Толмачев повел колонну справа повзводно и, подойдя к месту, где стоял окруженный свитой начальник отряда, и отсалютовав ему шапкою, подошел к генералу Перовскому и оставался возле него до тех пор, пока не прощали все части. Тогда он сел верхом на лошадь и поспежал вперед. Войска проходили церемониальным маршем скорым шагом, держа ружья под приклад. Сначала шла пехота, имевшая по 32 ряда во взводах трехшереножного строя, потом Уфимский казачий полк, уральские казаки, артиллерия и далее вагенбург. Пройдя мимо начальника отряда, который внимательно осматривал каждого солдата и повозки. Пройдя в таком порядке уральские ворота, отряд перешел по льду реку Урал и остановился верстах в двух от города по ту сторону реки, где и расположился в виде четырехугольника, вокруг приготовленного апалоа. По прибытию всех чинов отряда началась напутственный молебень. Наступила глубокая тишина, и только голос священника и стройное пение походных певчих раздавались среди молчаливой толпы людей, готовой через несколько минут вступить в тяжелейший степной поход во время суровой зимы с ее выгами и метелями.

Этот день был замечателен тем, что с выступлением за Урал отряда пошел сильный снег, а на первом же полупереходе поднялся сильный буран, который продолжался, не переставая, трое суток, и суровая степная зима с этой поры вступила в полные права свои, то засыпая горсточку смелых русских воинов целыми сугробами снега, то обдавая их трескучим морозом и ветром. Зима того года была особенно снежная и морозная, а лежащая в степи глубокий снег сильно препятствовал движению отряда. На первых же порах оказалось много отмороженных рук и ног, появились заболевшие, и много солдат успокоилось навсегда под холодной пеленой снега в необозримых азиатских степях. Отряд, кроме припасов для согревания сбитня, не захватил для нижних чинов ни водки, ни спирту, которые в тяжелые походные дни сильно поднимают бодрость духа утомленного и полупростуженного солдата. Между тем снег становился все глубже и глубже. Морозы усиливались. Ветер пронизывал каждого насквозь. Джибага несколько не грела, и было бы удобней, если бы вместо нее одели солдата в овчинные тулупы. Тяжелые сапоги при глубоком снеге сильно утомляли пешоту. В отряде скоро наступило полное уныние. «Хоть бы водочки выдали», — стонали иззябшие, полубольные люди. Но водки не было, а вместе с тем не доставало и топлива для согревания сбитня. Положение отряда становилось критическим. Люди стали болеть, верблюдыдохнуть так, что груз, который не на чем было перевозить дальше, был употреблен или на топливо, или затоплен в реке Эмба.

Кое-как, с большими лишениями доталился отряд до Чушка-куля (Свиное озеро) и остановился бивуаком. Между людьми появились различные болезни, и почти все заболели цынгой. Верблюды за малым исключением почти все передохли, а те, которые и остались, еле-еле волочили ноги и были совершенно негодны для перевозки не только груза, но даже и одного больного.

При движении в Хиву отряд был разделен на несколько колонн, называвшихся по фамилии начальствующих офицеров, и все они одинаково находились в тех же тяжелых условиях, как и главный корпус отряда.

На одну из таких колонн, а именно майора Симбулина, пользуясь печальным состо-

янием людей ее, наехала ночью шайка хивинцев и, отбив табун уцелевших верблюдов, погнала их в степь, мимо колонны поручика Ерофеева. Этот офицер прибыл перед хивинским походом из армии, принял роту в 3-м Оренбургском линейном батальоне, с которой и выступил в поход. Присоединив к колонне своей сотню уральцев, поручик Ерофеев за Ак-Булаком остановился на ночлег, сделал из тюков преграду от снега и возле нее уложил верблюдов. Такая ограда в случае внезапного нападения неприятеля должна была служить и прикрытием. За тюками были расставлены кибитки, в которых кое-как согревались нижние чины. Как рассказывал поручик Ерофеев, у него к этому времени было более половины больных людей, и треть всего числа бывших при колонне верблюдов издохла. Хивинцы, гнавшие от колонны Симбулина верблюдов, наткнулись на его колонну и не застали ее врасплох только потому, что дежурный барабанщик (из цыган) ударил тревогу. Хивинцы подумали, что здесь расположен большой отряд, испугались, а от внезапного барабанного боя, раздавшегося среди глубокой тишины, аргамаки их стали беситься, сбрасывая с себя седоков. Заметив это, поручик Ерофеев приказал и другому барабанщику бить дробь и открыл по неприятелю огонь. В это время один из смелых солдат во главе с несколькими линейцами черезчур близко набежал на хивинцев; один из них накинул на него аркан и, оттащив на отдаленное расстояние, вместе с другими подоспевшими хивинцами начал сдирать с него с живого кожу. Несчастный испускал неистовые крики, которые рвали на части души его товарищей, и тогда поручик Ерофеев во главе с уральцами бросился на выручку товарища, но хивинцы оставили верблюдов и скрылись. Далеко преследовать их в степи было рискованно, так как легко можно было сбиться с пути, да и преследование на измученных киргизских машгачках степных хивинских скакунов было бы безумною попыткой. Отбитые верблюды были загнаны к колонне и положены около тюков. По утру, судя по числу оставшихся следов лошадиных копыт, было определено, что хивинцев было более тысячи человек. Стали отыскивать захваченного солдата и нашли его труп обезглавленным и с отрубленными руками и по колена ногами. Такой же участи мог

подвергнуться один офицер С., который, услышав раздражающие душу крики захваченного солдата, вскочил на лошадь и в безумном порыве с нагайкою в руках бросился на выручку, но вовремя был остановлен казаками, которые воротили его в колонну. За это дело поручик Ерофеев был произведен в штабс-капитаны и капитаны и награжден орденом Святого Владимира с мечами и бантом. А барабанщик, забивший вовремя тревогу, получил Георгиевский крест.

От Ак-Булака отряд, соединив все свои части, двинулся к Чушка-кулю, но киргизы-возчики отказались следовать далее, что заставило главного начальника отряда под страхом смерти принудить их поднять грузы и идти далее. С большими лишениями дотянулся отряд до Чушка-куля, но и тут оказалось не лучше. Зима становилась суровее. Морозы и ветры дожимали людей и верблюдов. Лошади почти все передохли, а офицеры шли пешком. Большинство выюков было сожжено или брошено в степи. Провианту и топлива не хватало. Болезни усилились, и смертность стала увеличиваться.

Хивинская экспедиция. 1839 г. (У костра с платком — В.И. Даль.)

В джибаге завелись насекомые, так что солдаты предпочли сбросить их, и ни один не принес обратно с собою это одеяние. Солдаты замерзали, неся сторожевую службу. Однажды, один из колонных начальников, поверяя передовые посты, увидел солдата в полудежащем положении, держащего ружье в руке. Он подошел к нему и, громко крикнув: «Чего ты сидишь, такой-сякой, на посту?», ткнул его в шею. Солдат свалился на спину и лежал неподвижно. Оказалось, что он был уже замерзший труп.

В таком состоянии отряд простоял на Чушка-куле до начала весны и с первыми лучами весеннего солнца двинулся обратно в Оренбург, убедившись в невозможности идти дальше.

После восьмимесячного пребывания в степи 8-го июля 1840 года хивинский отряд прибыл в Оренбург и остановился на уральской стороне на берегу реки Урала, против Банного озера, оставив погребенными в степи нижних чинов 1054 человека да еще по прибытии, положив в оренбургский госпиталь цынготных 609 человек, в том

числе 20 офицеров. Больных привезли в госпиталь 6-го июля. Я тогда был дежурным еще в чине прапорщика; картина, открывшаяся предо мной и бывшая не такою заметною в походе, была ужасна. Жаль было смотреть на больных, хотелось выразить участие несчастным страдальцам, но не было никакой возможности стоять долго в палате. У каждого больного деса распухли, и из образовавшихся на них трещин текли кровь и материя с ужасным запахом, ноги были у всех сведены и в ранах. Некоторые в тот же день и умерли. Офицеры, как и нижние чины, были в одинаковом положении. Целые толпы родственников, жен и детей, собрались в госпиталь, несмотря на страшную атмосферу, стоявшую в здании. Несчастные мученики рассказывали, со слезами на глазах, своим близким про те бедствия, которые перенесли они за этот злосчастный поход. Они ярко рисовали картину, как остались они без топлива, как все лишнее жгли вместо дров, как рубили оглобли и сани и, наконец, кибитки для того, чтобы разогреть в чайнике воду. Действительно эти люди испытывали все, что может только переиспытать человек, заброшенный в пустыню во время суровой зимы, без пищи, крова и топлива.

Не помню, как долго стоял отряд, по приходу из степи, в лагерях, но, кажется, месяца два или три. Уныние было полное, и, чтобы поднять дух солдат, а главное, чтобы не бросался ярко в глаза трагический исход похода, начальство устраивало ежедневно в лагере отряда празднества (было что праздновать!). Ежедневно с 4-х часов и до пробития вечерней зари играла там военная музыка, по вечерам устраивались танцы, сад иллюминировался, и пускался фейерверк. На эти вечера собиралось множество семейств из общества Оренбурга, но вечера были вялые и не удачны.

Больные в оренбургском госпитале не поправлялись, и только некоторые к концу года выздоровели, а большинство отправилось в вечность.

Памятен был всем Хивинский поход, о котором каждый отзывался с необыкновенною грустью и неохотно пускался в описание подробностей пережитого. Дорого обошелся и государству этот поход, кроме погибших полных сил людей, на него было затрачено 1700000 рублей ассигнациями и 12000 червонных.

В конце октября месяца 1840 года были возвращены из Хивы 600 человек русских пленников, отсталых от отряда, подобранных хивинцами, которые всюду следовали по пятам русских, а также захваченных ими еще до выступления русских в Хивинский поход с наших пограничных пунктов. Жалкий вид имели пленные. В оборванных хивинских халатах, с выбритыми головами или же уже с отросшими лохматыми волосами, они положительно едва сохранили образ человеческий. На лицах их можно было прочесть те страдания, какие пришлось перенести им в плену у диких хивинских племен. Эти несчастные мученики рассказывали ужасные подробности о вынесенных ими страданиях. Их продавали в рабство, били кнутами и нагайками, держали в клоповниках без пищи, оставляя на произвол ужасным насекомым. Глубокие шрамы на плечах и спине свидетельствовали об истязаниях, которым подвергались эти несчастные люди. Несколько человек были с выколотыми глазами и, возвратясь на родину, уже не видали ее, а рыдали, обнимая своих земляков. Что было на душе у этих несчастных, — одному Богу известно. Измученные, с безжалостно оскорбленною честью женщины были ужасны. Без слез нельзя было смотреть на них. Душа кипела мщением за эту горсть собратий, для которых жизнь уже поблекла, для которых не открывалось уже розового будущего, так как лучшие годы их и лучшие силы ушли в рабстве, насилнии и поругании. Многие не выдержали всеупнетающего рабства, сложили в Хиве свои кости, многие были казнены за попытки к бегству. Некоторым удавалось и бежать, но и их участь была не лучшая, они погибли от голода и жажды в беспредельных степях, занесенные песком или снегом. Были и такие, которые переменили Христову веру и стали жить в почете среди мусульман, но таких насчитывалось очень немного — большинство рвалось на родину, сохранив веру Христа и любовь к России.

Одновременно с возвращением пленных был издан хивинским ханом фирман о запрещении не только ловить русских, но и покупать их у барангачей (разбойников).¹

¹Исторический вестник. 1898, LXXIII, август.

Дворянские гнезда

Как предполагается, каждый оренбуржец знает, что начало освоения Оренбургского края положило неоднократно выраженное желание киргиз-кайсацких (казахских) предводителей присоединиться к России, встать под протекцию русского царя, а реализация принятой просьбы хана Младшего жуза Абулхайра выпала на Известную (Оренбургскую) экспедицию (1734–1737) под руководством обер-секретаря Правительствующего сената, картографа и разработчика северных и южных исследовательских экспедиций статского советника Ивана Кирилловича Кирилова (1689–1737).

Заселение края началось в 1730-х гг. с основания крепостей и фортов пограничной линии. Первыми были заложены Верхне-Яицкая (1734), Орская (1735), Верхне-Озерная (1736) и Бердская (1736) крепости по реке Яику (Уралу). В 1736 году были заложены по реке Самаре крепости Бузулукская, Тоцкая, Сорочинская (при Кирилове же), а в 1738 году и Тевкелев брод (Ново-Сергиевская). Вновь заведенные крепости заселялись служащими казаками и солдатами пехотных гарнизонов и ландмилицейских полков. Со временем, теряя первоначальное значение, крепости стали называться станицами, отрядами и селами.

В новом российском крае ранее не было русских сел (за исключением Сакмарского городка, поселения уральских казаков, основанного в 1725 году). Ширь необозримых уральских земель до того времени никогда не покрывалась золотом хлебного колоса, а из века в век серебрилась перьями ковыля. Хлеб для переселенцев приходилось везти издалека, из приволжских и сибирских губерний, да еще и с большими потерями (в пути обозы грабились кочевниками). В хлебе был великий недостаток. Край неоплачено, остро нуждался в хлебопек, русском крестьянине. Очевидная нужда потребовала, по законам того времени, наделить землей служилых дворян, военных и гражданских чинов, а затем и принять указ о разрешении дворянам покупать земли у аборигенов. Свободные государственные земли, как уже прежде отмечалось, находились в северо-западной части края, то есть в пределах нынешних Бузулукского и Бузулукского уездов. Здесь, в этой округе, оренбургские дворяне заводили на жалованных и покупных землях свои господские усадьбы, а при них обустроивали села и деревни, переводя сюда хлебопашцев — крепостных крестьян из своих престижных имений, находящихся в центральных губерниях. Их, и дворян и крестьян, следует нам считать первыми кормильцами охранителей юго-восточного рубежа России и за то отдавать им дань благодарности и вечной памяти.

В № 4 нашего сборника была помещена обширная справочная общего характера по истории возникновения, становления и развития русской дворянской сельской усадьбы. Ныне мы даем конкретный материал — называем оренбургские дворянские усадьбы с указанием мест расположения, именами их владельцев. Как и было обещано, перечень их даем, начиная с Бузулукского уезда, на основе документов генерального и специальных межсезоний 1799–1861 гг. Разумеется, это не исчерпывающий полный список усадеб. Со временем менялись владельцы имений, возникали новые усадьбы, о чем впоследствии также будет идти речь.

«Алфавит Бузулукского уезда разновладельческим дачам по азбучному порядку»

Араповка – владение отставного прапорщика Василия Матвеевича Арапова и вдовы из дворян солдатской жены Арифмы Ильиничны Араповой.

Арбузовка, Березовка (Немчиновка) тож. – общее владение капитанши Екатерины Протасьевны, жены прапорщика Герасима, унтер-офицера Степана Михайловичей Немчиновых, коллежской ассessorши Татьяны Михайловны Кадомцевой, подпоручика Артемия Васильевича Гришечкина.

Березовка – коллежской ассessorши Надежды Ивановны Кушниковой.

Богородское, Язиково тож, с селцом – общее владение статского советника Ивана Дмитриевича Апраксина и коллежского советника Федора Яковлевича Шишкова.

Богородское, Булаково тож. – статского советника Николая Михайловича Булакова.

Вновь заведенная, родник Иртек тож. – девицы Екатерины Егоровны Иглиной, коллежского ассессора Якова Михайловича Штоберга.

Воробьевский хутор – армии полковника Оренбургского казачьего войска атамана и кавалера Василия Андреевича Углекского.

Кутниково – общее владение Кутниковых
Гурьевка – секунд-майора Петра Лаврентьевича Молодцова.

Дементьево – общее владение Волошпиковой, Лубяновой, Дементьевых.

Дмитриевское, Спичино тож. – коллежской ассessorши Анны Дмитриевны Воронцовой.

Заречье – Оренбургского казачьего войска поручика Петра Ивановича Ратькова.

Зимненки – малолетних детей надворного советника князя Федора Васильевича Мустафина – князя Александра и княжны Надежды Федоровых, от покойной матери надворной советницы Дарьи Федоровны Мустафиной.

Зимненка с дер. Шишковой, Александровка тож. – Ф.Я. Шишкова и малолетних детей его Александра и Дарьи Федоровых.

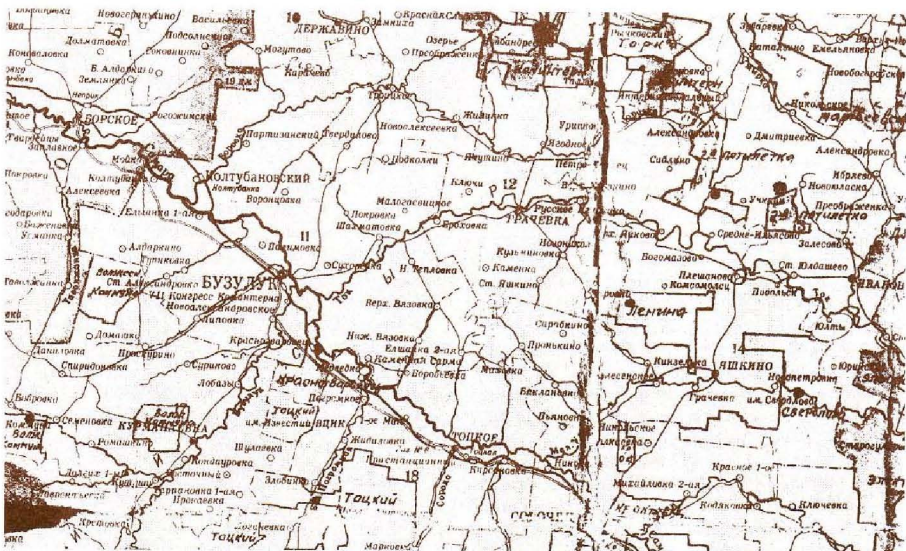
Знаменское, Обухово тож. – владение секунд-майора Александра Петровича и прапорщика Евгения Львовичей Обуховых.

Ивановка – бригадира Василия Ивановича Обухова.

Иваповка, Путиловка тож. – поручика Петра, прапорщика Ивана Ивановичей Путиловых.

Ивановка, Лоскарево тож. – секунд-майора Андрея Михайловича Лопатина и жены его Екатерины Прокофьевны.

Иваповка, Воронцовка тож. – общее владение коллежской ассessorши Анны Дмитриевны Воронцовой и детей ее Петра, Алексея, Степана, Дмитрия, Екатерины Ивановичей Воронцовых.

Ивановка, Подбельщино тож. – статского советника Николая Ивановича Обухова и прапорщицы Марьи Петровны Подбельской.

Камелевка – отставного капитана Семена Ивановича, прапорщика Даниила Васильевича Камневых и прапорщицы Натальи Даниловны Стафутинной, майора Петра Яковлевича Тоузаква, Василия Петровича Филипповича, поручика Ивана Петровича Куроедова.

Ключи с дер. Бекетовкой, Горгаловка тож. – инженер-майорши Анны Ивановны Новосильцевой.

Кротовка, Тутовка тож. – майорши Екатерины Андреевны Молодцовой и детей ее.

Луговое – капитана Ивана Петровича Ляхова.

Марьчево – отставного подпоручика Ивана Семеновича Марьчева.

Микулино с дер. Подгорной – общее владение поручицы Екатерины Алексеевны Неплюевой и сестры ее вахмистрши Степаниды Алексеевны Микулиной.

Милохово, Жданирово тож. – владение общей вдовы-капитанши Марфы Игнатьевны Милоховой, подпоручика Николая Ивановича Ряшцова, прапорщика Николая Ивановича Жданирова, а ныне от него в покупке Елизаветы Тимофеевны Лубяновой.

Мотовиловка – инженер-майорши Анны Ивановны Новосильцевой.

Новинки, Мойка тож. – коллежской ассessorши Натальи Ивановны Лютовой.

Неплюево с селцом – штабс-капитанши Веры Александровны Лазоревой.

Никольское, Страхово тож. – секунд-майора Ивана и подполковника Александра Васильевичей Страховых.

Обуховка – малолетних Ивана Николаевича Выхощина, Николая и Анны Николаевичей Обуховых.

Озеро – титулярного советника Александра Ивановича Путилова.

Преображенское, Михайловка тож, с селцом Красной слободкой и дер. Завражной – общее владение коллежского ассессора Василия, капитана Федора Михайловичей Карамзинных и вдовы майорши Пелагии Егоровны Лудской.

Павловка, Обухово тож. – майорши Пелагии Петровны Полстоваловой и дочери ее Евгении Григорьевны Осоргиной.

Павловка, прежде Богатой умет. – статского советника Николая Ивановича Обухова.

Пополутова – общее владение отставного из дворян сержанта Ивана Никитича, вдовы-прапорщицы Лукерьи Тимофеевны и сына ее подпоручика Ермолая Дмитриевича Пополутовых.

Подкологино, Микулино тож. – капитана Ивана Гавриловича Жданова.

Подсолнечное, Радково тож. – владение девицы Лукерьи Ивановны Ратьковой.

Рождественское, Малое Обухово тож. – коллежской ассessorши Елизаветы Григорьевны Осоргиной.

Смоленское, Державино тож, с деревнями – действительного статского советника и кавалера Гаврилы Романовича Державина.

Стригино – вдовы-майорши Екатерины Дмитриевны Роговой и помещика Петра Дмитриевича Стригина.

Степуриша, Неплюево тож. – поручика Василия Федоровича Неплюева.

Троицкое, Гасвицкое тож. – секунд-майора Ивана Александровича Гасвицкого.

Троицкое, Чертацль тож, с селцом Любовь, Пыхачевка тож. – владение девицы Надежды Ивановны Ратьковой.

Успенское, Грачевка тож. – владение капитанши Евгении Максимовны Каршовой.

Усаклы с деревнями – поручиков Петра Ивановича и детей Павла Петровича Путиловых.

Федоровка – отставного секунд-майора Ивана Кузьмича Пасмурова.

Федоровка, Сосновый ключ тож. – подпоручика Филиппа Григорьевича Твердилова, а по смерти его состоит ныне под опекой.

Федоровка, что прежде Зотов умет. – владение покойного генерал-майора Федора Васильевича Обухова, а ныне состоит в казенном присмотре.

Чибрикровка – общее владение капитанши Аграфены Ивановны Ляховой и титулярной советницы Прасковьи Ивановны Власевой.

Чуфаровка – владение из дворян малолетки Михаила Александровича Метальникова.

Якупино – коллежской ассessorши Елизаветы Гавриловны Племышишковой.

Ячпиковка – общее владение коллежской секретарши Аграфены Ивановны Бобровой, а ныне дочери ее девицы Прасковьи Ивановны и братьев ее подпоручика Андрея и подполковника Василия Даниловичей Лазоревых.¹

Как видим, список дворянских владений Бузулукского уезда довольно длинен для одного уезда, даже для такого обширного, каким был в XIX веке Бузулукский уезд. Это указывает на то, что здесь преобладало мелко-поместное дворянство, владеющее всего 15-20 душами. В число владельцев крупных поместий с численностью крестьян свыше 200 душ входили Булаковы, Г.Р. Державин, Ждановы, Карамзины, Карповы, Новосильцевы, Обуховы, Осоргины, Путиловы, Страховы, Шишковы...

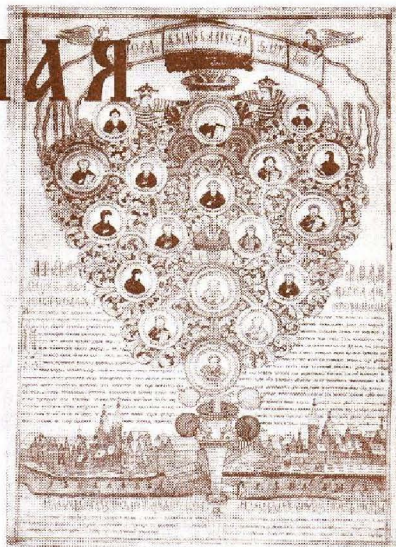
¹ Российский Государственный архив древних актов, фонд 1355 (Межевая комиссия), опись 1, дело 932.

Родословная

Два чувства дивно близки нам,
В них обретает сердце пищу –
Любовь к отческим гробам,
Любовь к родному пепелищу...

А.С. Пушкин

Данную рубрику мы расширяем тематикой: «Родословная», «Некрополь», «Народный архив». Основным источником ее наполнения послужат сведения из метрических книг, духовных росписей, ревизских сказок и других архивных документов. Раздел же мы начнем с подсказок по составлению крестьянских родословных. Существует расхожее мнение, что материалы к дворянской родословной собрать гораздо легче, чем составить родословную крестьянской семьи. Мнение это неверное по многим причинам, в чем можно будет убедиться уже из первой методической рекомендации.

Историческая справка

Крестьянство, низшее податное сословие, составляло подавляющее большинство населения Российской Империи. В 1721 году различные группы зависимого населения были объединены в укрупненные категории казенных (государственных), дворцовых, монастырских и помещичьих крестьян. Казенных крестьян (бывшие черносошные, ясачные и др.) объединяла зависимость непосредственно от государства и обязанность уплаты, наряду с подушной податью особого (вначале четырехгривенного) сбора, приравненного по закону к владельческим повинностям. Дворянские крестьяне находились в непосредственной зависимости от монарха и членов его фамилии. После 1797 года они образовали категорию так называемых удельных крестьян. Монастырские крестьяне после секуляризации образовали категорию экономических (так как до 1782 года подчинялись Коллегии Экономии). Не выделяясь принципиально ничем от государственных, платя те же повинности и управляясь теми же правительственными чиновниками, экономические крестьяне выделялись среди прочих своею занятостью. В число владельческих (помещичьих) крестьян попали как собственно крестьяне, так и холопы¹. Среди помещичьих различались крестьяне пашенные барщинные, оброчные и дворовые. Все крестьяне прикреплены были к своему месту жительства и своей общине, платили подушную подать и отправляли рекрутскую и другие натуральные повинности, подлежали телесному наказанию (гарантиями помещичьих крестьян от произвола владельцев было лишь то, что закон охранял их жизнь). В первой половине XIX века действовали также нормы, запрещающие продажу крепостных без семьи, покупку крестьян без земли и т. п. Для государственных крестьян возможности были несколько больше: право перехода в мещане и записи в купцы, право переселения на новые земли. После реформы 1860-х гг. была сохранена общинная организация крестьянства с круговой порукой, запрещением покидать место жительства и записываться в другие сословия без увольнения из общины. Признаками сословного неравноправия крестьян оставалась подушная подать, отмененная в начале XX века, а также подсудность их по мелким делам особому волостному суду, сохранившему розги в качестве меры наказания, и по ряду административных и судебных дел – земским начальникам. После того, как в 1906 году крестьяне получили право свободного выхода из общины и право частной собственности на землю, их сословная обособленность уменьшилась.

Пред Богом все равны

Методика работы с крестьянскими родословными

Все возможные источники крестьянских родословных могут быть условно разделены на три больших комплекса:

- семейный архив и устная родовая история;
- архивные материалы, находящиеся на государственном хранении и в частных собраниях;
- публикации.

Даем краткую характеристику каждого из этих комплексов, сопровождая их некоторыми методическими советами.

Семейный архив – то, с чего следует начинать всякое родословное исследование. Источником информации о предках могут быть личные документы (паспорта, свидетельства о рождении, аттестаты, дипломы,

автобиографии и др.), старые письма, фотографии, воспоминания, дневники и т. д.

Расширить доставляемую вам по наследству базу данных можно путем создания новых источников:

- подробно расспросить старших членов семьи и записать все, что они знают о своих родителях, бабушках и дедушках (имена, отчества, фамилии, даты и места рождения и проживания, род занятий, даты бракосочетаний, даты и места смерти, составы семей и пр.);

- установить переписку с родственниками, живущими в других местах и могущими что-либо сообщить по интересующим вас вопросам;

- посетить «малую родину» – село или деревню, откуда родом ваши предки, побеседовать со старожилками этих мест (прежде всего с теми, кто состоит с вами в каком-то родстве) и зафиксировать все, что они знают о вашем роде и современных его представителях, об истории села (деревни). В подавляющем большинстве оренбургских сел существуют местные краеведческие музеи. Как правило, они создаются при сельских школах усилиями учителей истории или энтузиастов. Материалы местного краеведческого музея тоже могут быть ценным источником для составления родословной.

Собранная таким образом информация, как правило, охватывает ближайшие четыре-пять поколений предков, но она даст надежный ориентир для последующих архивных поисков.

Архивные материалы – главный комплекс источников, без обращения к которому невозможно составить сколько-нибудь полную крестьянскую родословную.

Наиболее полные и точные сведения о крестьянстве содержат материалы церковного гражданского учета населения. К первой группе относятся метрические книги и исповедные росписи (духовные ведомости). Метрические книги вплоть до отделения Церкви от государства в 1918 году

были единой в России формой записи актов гражданского состояния. Книги эти велись причтом приходских церквей и состояли из трех разделов: записи о рождении, бракосочетании и смерти прихожан.

В первом разделе («О рождении») приводятся сведения о новорожденном (пол младенца, даты рождения и крещения, имя, данное при крещении; ребенок, рожденный вне брака записывался как незаконно-рожденный), о родителе (сословная принадлежность отца с соответствующей географической привязкой, его фамилия, имя и отчество, а также имя и отчество матери, при отсутствии сведений об отце – также ее сословная принадлежность с указанием на географическую прикрепленность, вероисповедание обоих), о воспитателях (сословная принадлежность и место жительства и степень родства крестного отца и матери по отношению к новорожденному или одному из родителей) и священнике (священнослужителях), совершавшем (совершавших) Таинство Крещения.

Второй раздел («О бракосочетании») содержит сведения о дате бракосочетания, о женихе (сословная принадлежность и место проживания, имя, отчество и фамилия, в который раз вступает в брак, вероисповедание, возраст), о невесте (имя, отчество и фамилия, сословное положение и место проживания, для девицы – сословная принадлежность, место проживания, фамилия, имя, отчество, для вдовы – сословная принадлежность и род занятий, место проживания, имя, отчество и фамилия прежнего мужа, которое по счету замужество, вероисповедание, возраст), о поручителях (свидетелях) и священнослужителях, совершавших обряд венчания.

В третьем разделе метрических книг («О умерших») сообщается о бывшем месте проживания, сословной принадлежности, имени, отчестве, фамилии и возрасте умершего, причине смерти, о священнослужителях, исповедовавших и отпевавших покойного и совершивших погребение.

Сведения метрических книг отличаются наибольшей степенью точности и надежности.

Исповедальные росписи (духовные ведомости) составлялись, как правило, в дни Великого поста ежегодно причтом приходских церквей в целях предоставления в

Духовное правление сведений о прихожанах, бывших на исповеди и у Святого причастия. Списки составлялись по дворам, первым указывался хозяин, затем приводились сведения о его жене и детях с указанием возраста и степени родства.

Метрические книги и духовные росписи по духовным округам (соответствовавшим уездам) хранятся в фондах областных архивов (у нас ГАОО – Государственный архив Оренбургской области на ул. Советской, 16). Для поиска сведений о родственниках необходимо знать, в приходе какой церкви находилась деревня, откуда они происходят.

Светские власти проводили учет крестьян достаточно регулярно с первой четверти XVII века, созданные в результате этого источники хранятся в фондах Российского государственного архива древних актов (РГАДА) в Москве. Во всех переписях XVII века учтено только мужское население. Переписи этого периода называются писцовыми (переписными) книгами. В писцовых книгах указывалось имя, отчество и фамилия домовладельца и имеющееся у него движимое и недвижимое имущество.

В 1719 году указом Петра I в интересах обеспечения перехода с имущественного налогообложения на подушные подати было предписано в короткие сроки провести перепись всего населения Российской империи. Подобные переписи затем более или менее регулярно проводились в течение XVIII–XIX веков и получили название «ревизские сказки» или «ревизии». Всего вплоть до 1858 года было проведено 10 ревизий. Материалы первых трех хранятся в фондах РГАДА в Москве, остальные – в областных архивах. Данные этих переписей отличаются достаточно высокой степенью точности, но не всегда полны (в разное время оказывались неуточненными значительные массы беглых, старообрядцев и пр.).

Более узкие, но и более конкретные в отношении отдельных крестьянских семей сведения для крестьянских родословных содержат другие источники: грамоты и акты, челобитные крестьян, таможенные книги, судебные материалы (в том числе по делам о расколе), церковные летописи, вкладные книги монастырей,

крестоприводные (крестоцеловальные) и окладные книги и пр. Некоторые из этих источников в более или менее полном объеме опубликованы.

Публикации – более доступный для составителя крестьянской родословной комплекс источников, чем неопубликованные архивные материалы. Сюда могут быть отнесены как публикации текстов исторических источников, в том числе перечисленных выше, так и исследования: научные монографии и статьи, краеведческие и биографические очерки, содержащие сведения об истории крестьянства того или иного региона.

Поиск в архивах лучше всего строить таким образом.

Вначале нужно обратиться к материалам ревизских сказок или духовных ведомостей (исповедных росписей), которые дают наиболее широкую картину, так как одновременно описывают состав всей семьи. Кроме того, ревизские сказки содержат сведения по прошлой ревизии, что позволяет иногда обойтись без исследования предыдущей переписи и сразу же перейти к бо-

лее ранним материалам. Затем следует уточнить даты рождения и смерти ваших предков (в материалах ревизий указывается только возраст, но не точная дата рождения или смерти). Следует иметь в виду то обстоятельство, что регулярно методические книги стали вестись только с начала XIX века.

Материалы 4–10-ой ревизий, а также метрические книги вы найдете в фондах соответствующих областных архивов. Это позволит вам установить своих предков вплоть до 1782 года (4-ая ревизия) и даже несколько ранее. Все остальные сведения нужно искать в РГАДА. Это материалы 1–3-ей ревизий (1719–1747 гг.), а также писцовые (переписные) книги (XVII в.).

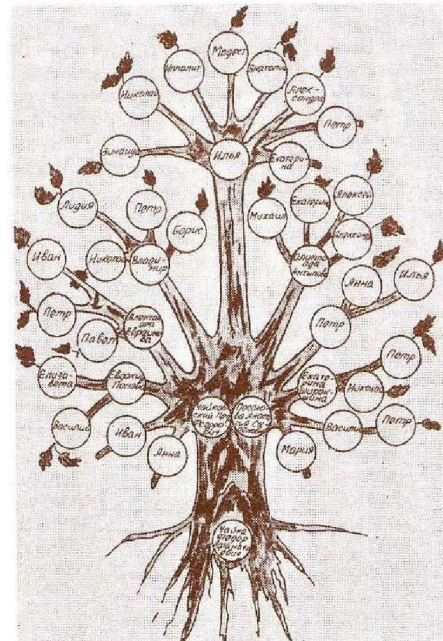
Ознакомление с фондами РГАДА поможет вам сделать еще несколько шагов в глубину веков.

Архивный поиск нужно вести двумя путями: участвуя в исследованиях лично или обращаясь в архивы с письменным запросом. В первом случае вы получаете доступ к архивным фондам бесплатно, во втором – вы будете должны оплатить расходы, связанные с работой в ваших интересах сотрудников архива. Стоимость выполнения одного запроса (в зависимости от сложности и полноты материалов) – 200–600 и более рублей.²

«Уважение к прошлому – вот черта, которая отделяет образованность от дикости», – напоминает нам великий Пушкин. Помнить или забыть – решает каждый для себя, но интерес к своим корням, к своим предкам, прошлому заметно возрастает. Составление семейных родословных положено в основу деятельности городских и сельских школьных краеведческих объединений и кружков. Становится уже видно с родословной таблицей, альбомом с фотографиями, записью рассказов старших родственников, набросками родословного древа. Уходим от дикости...»

¹ Категория зависимого населения в X – нач. XVIII века; изначально не имели собственного хозяйства, исполняли различные работы в хозяйстве феодала. С введением в 1722 году подушной подати холопы превратились в крепостных крестьян.

² По материалам статьи В. Щипова. – Газета «Некрополь», 2001 г., № 2.

22 июня нынешнего года, в Оренбурге работает музей истории оренбургского казачества. Организовал его атаман казачьего общества «Славянское» Юрий Петрович Бельков. Основу музея составляют экспонаты, которые атаман собирал многие годы и теперь представил для всеобщего обозрения.

История казачества – это, по сути дела, история коренного населения Оренбургского края. Казаки же были не только искусными воинами, но и умелыми хлеборобами, рыбаками и охотниками, а казачки – отличными хозяйками и воспитательницами детей, поэтому столь разнообразны экспонаты первого раздела музея – снаряжение, оружие и утварь XVIII – XIX веков.

Второй раздел «Казачья слава» повествует о боевом участии оренбургских казаков в различных походах, в Первой мировой войне. Казачьи части прославили себя на полях многих сражений. Открытки с изображением лихих воинов на фоне знакомых европейских пейзажей, ордена, медали, именно оружие, причем не только россий-

ское, но и австрийское, полный бант георгиевских крестов всех четырех степеней, материалы, относящиеся к пребыванию в Оренбурге цесаревича Николая Александровича – не каждый музей может похвалиться такой подборкой.

Следующий раздел называется «Белые и красные». Лица казаков, представленных на фотографиях этого раздела, ничем не отличаются друг от друга. Но Гражданская война сделала их непримиримыми врагами.

И у тех, и у других была своя правда, своя надежда на лучшее будущее, и они за эту правду сражались. Первым в России против захвата власти большевиками открыто выступил атаман Оренбургского казачьего войска Александр Ильич Дутов. Уже 26 октября 1917 года он создал свое Правительство и арестовал местных большевиков. Началось вооруженное противостояние. Оренбург дважды переходил из рук в руки. Осенью 1918 года белоказаки почти полностью очистили территорию своего войска от красных, но не надолго. 22 января 1919 года части 1-ой Советской и Туркестанской армий выбили дутовцев из Оренбурга и

погнали их на восток. На стенде представлена присяга оренбургских казаков, поступивших на службу в Русскую армию Александра Васильевича Колчака. Под ударами Советских войск Дутов был вынужден увести остатки своей армии за границу, в Китай. Там, в Суйдунской крепости, 6 февраля 1921 г. его настигла чекистская пуля...

Казаки же, вышедшие вместе с Дутовым в Китай, создали в эмиграции оренбургскую казачью станицу имени своего атамана. Станичные правления оренбургского казачества 1936-1937 годов проходили уже в китайском Харбине.

В разделе «Красные» собраны фотографии и документы о красногвардейцах, оборонявших Оренбург и изгнавших белоказачков и колчаковцев с территории нашей губернии. Это командующие фронтами и армиями Михаил Васильевич Фрунзе, Гая Дмитриевич Гай, Василий Константинович Блюхер, братья Каширины, командир 11-ой Оренбургской кавалерийской дивизии Ф.М. Морозов, лихие рубаки Первой конной армии и другие.

Раздел «Казачьему роду нет переводу» как бы перекидывает мостик из прошлого в наши дни. Здесь показана преемствен-

ность образа жизни и сохранение традиций нынешним поколением казаков. Ни войны, ни репрессии, ни раскулачивание и расказачивание не помешали возрождению казачества. Недаром слово «казак» с любого конца читается как «казак»!

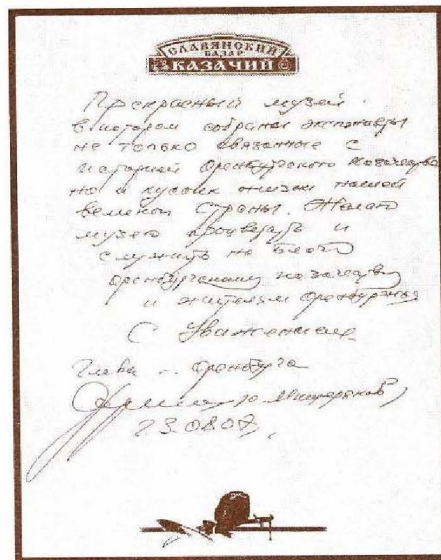
И вот 28 сентября 1991 года состоялся учредительный круг оренбургских казаков. Казачество снова включилось в общественную, политическую и хозяйственную жизнь области. Это отражено в документах и фотографиях экспозиции. Налицо добрые дела нынешних казаков.

Казачество, как известно, являлось в основе своей православным. Старинные иконы, которые много лет собирал Ю.П. Бельков, хранят следы минувших времен. Вот одна из них, в 30-е годы ее просто выпилили ножовкой из иконостаса – подходящего размера доску – и заделали дверной проем в кладовой. Другую икону, писанную серебром, хозяин музея нашел на деревенской улице, в куче мусора. Так большевики обращались с духовными казачьими святынями.

Есть в музее экспонаты, которые просто невозможно не заметить. Один из шедевров – резная деревянная хлебница – настоящее произведение искусства, так же, впрочем, как и резные деревянные подарочные шахматы XIX века. По всей вероятности, эти шахматы были изготовлены к какой-то юбилейной дате крещения Руси, потому что на крышке изображен Киевский Великий князь Владимир с крестом в руке. Имеется здесь и так называемая царская посуда. Конечно же, царь из этих тарелок и супниц не кушал, но изготовлены они на фабрике М.С. Кузнецова – поставщика Двора Его Императорского Величества. Поэтому вполне возможно, что точно такая же посуда стояла и на царском столе.

Из предметов домашнего обихода выделяются коллекции самоваров, самый большой из которых имеет емкость 50 литров, музыкальная шкатулка, граммофон, атаманское кресло. Есть в музее интересные образцы одежды разных времен: казачья бурка и папаха и, как обязательный атрибут, – платка; одеяние киргизского хана – расшитый золотом халат, жилет и шапочка; гимнастерка, в которой актриса Елена Драпско снималась в кинофильме «А зори здесь тихие».

Обширна экспозиция, посвященная Великой Отечественной войне. Посетители могут проследить боевой путь многих наших земляков, посмотреть их награды, фотографии, личные вещи и документы. Здесь рассказывается о помощи тыла фронту и помещена телеграмма Главкомандующего Красной армией Иосифа Виссарионовича Сталина с благодарностью оренбуржцам, собравшим дополнительные средства для приобретения и отправки на фронт танковой колонны «Чкаловец». На полках также оружие, посмертные

медальоны, снаряжение и нехитрые предметы армейского быта – зажигалка из гильзы, британский прибор и т. п.

С этим стендом соседствует другой, и назван он «Капут». Могильный крест, увенчанный пробитой немецкой каской – символизирует разгром фашистской Германии. Это крест возмездия, а над ним – крест бесчестия, награжденный железный крест с дубовыми листьями, который вручался от имени Гитлера солдатам и офицерам Вермахта за порабощение соседних народов. Здесь же полковые значки, эмблема эсесовской дивизии «Мертвая голова» и оружие. В экспозиции выставлена также чудом сохранившаяся трофейная шинель эсесовского офицера со споротыми пуговицами, погонами и шевронами (вероятно, послужившая в миру). Однако это несколько не умаляет ценности этого экспоната.

Присутствуют здесь экспонаты, относящиеся, как недавно говорили, к советскому образу жизни. Такие, например, как портреты и бюсты К. Маркса, Ф. Энгельса, В. Ленина.

Два последних раздела музея только еще создаются. Один посвящен А.С. Пушкину, другой – восстановлению в селе Ташла Тюльганского района исторической усадьбы Тимашевых.

Стоит отметить и экспозицию «Дары Музею», где собраны редкие книги, предметы и документы. Здесь особо ценный экспонат – бортовой штурманский журнал самолета АНТ-25, на котором летчики Чкалов, Беляков и Байдуков совершили в 1937 году беспримечный беспосадочный перелет по маршруту Москва–Ванкувер (США) через Северный полюс.

На нескромный вопрос, как собиралась такая дорогая коллекция, Ю.П. Бельков честно отвечает, что за многое приходилось платить, как вот, скажем, за эту коробочку изношенного мыла 1904 года – тысячу современных российских рублей, но много современно бескорыстно приносили люди, зная о «чужацестве» атамана, его пристрастии к старине. Причем не только к бытовым мелочам. Коллекция ретроавтомобилей Юрия Белькова работала на съемках фильма Станислава Говорухина «Не хлебом единым», причем работала совершенно бесплатно. Когда режиссер назвал владельцу общепринятую стоимость использования такой техники при киносъемках и спросил, не пожалел ли тот об упущенной выгоде, Бельков лишь махнул рукой: «Какие деньги? Своим фильмом, Станислав Сергеевич, Вы еще раз выводите наш Оренбург на российский уровень!».

Удивительно, что такое особое чутье на уникальные вещи, имеющие историческую ценность, присуще весьма далеким от музейного дела людям. Не специальное образование, а интуиция подсказывает им, как поступить с тем или иным предметом – будущим экспонатом. И тогда в такие музеи, подобные открывшемуся в Оренбурге, начинают ходить заинтересованные посетители, а за ними подтягиваются специалисты, и настанет их черед удивляться. Вот такой он, музей казачьего быта или собрание бытовых мелочей – кому как нравится. В любом случае получилось удивительное панно, сложенное из осколков ушедшего времени. В заключение стоит сказать, что казачий музей на «Славянском базаре» открыт в рабочие дни с 10:00 до 18:00, в субботу – с 10:00 до 16:00 (перерыв с 13:00 до 14:00). По всем вопросам можно обращаться в штаб казачьего общества «Славянское» (телефон в Оренбурге: 37-04-17) или непосредственно в музей (тел.: 37-04-15).

Е. Вовк

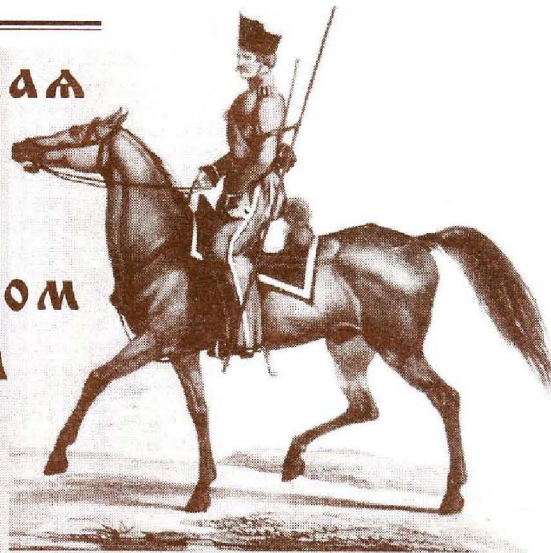
Фото открытия музея «Казачий» В. Баклыкова

Историческая записка ОБ Оренбургском казачьем войске

(Продолжение)

Казак — драгоценный союзник в охране Государства. Многовековое общение с лошадыю сделало из него природного кавалериста, но он и прирожденный воин: со времен седой древности стоял на рубежах земли Российской, на передовых ее постах, как страж и разведчик, всегда готовый к первому выступлению и к первой обороне. Где еще в мире есть подобный незаменимый род войска?

А.И. Куприн

Образование Оренбургского казачьего войска тесно связано с историей Оренбургского края, в устройстве которого на долю казаков досталось принять немаловажное участие. Основу войска составили самарские, уфимские и исетские казаки. К этому казачьему ядру присоединились яцкие казаки, драгуны, смоленские шляхтичи, казачьи дети сибирских городов, стрельцы, оставшиеся солдаты и драгуны, малороссийские черкасы, беглые помещичьи крестьяне, новокрещенные уфимские мещеры и нагайбаки, служилые татары, крещенные калмыки, сибирские и даже шведские (поляки, немцы). Все они назывались нерегулярными людьми Оренбургской губернии. При Оренбурге особым пригородом, Фортштадтом, поселили переведенных 550 казаков, которые вместе с бердскими казаками составили Оренбургский нерегулярный корпус. С постройкой города Оренбурга и пограничных крепостей казаки уже назывались оренбургскими, но официально это название они получили только в 1748 году, когда по указу Военной коллегии им был назначен первый войсковой атаман сотник (впоследствии полковник) Василий Могутов, которому для управления войском были определены есаул и писарь. Эти три лица составили Войсковую избу или канцелярию, ведавшую войсковыми делами. Время от времени на протяжении своей истории войско претерпевало различные изменения, реформирования...

Дальнейшее устройство войска по изменению управления его положением 5 мая 1865 года

В 1865 году в устройстве войска, как и в 1840 году, произведено снова радикальное изменение, но только в противоположном направлении: войско опять, как и до 1840 года, вошло в состав губернии, и в судебном и в полицейском управлении подчинено

общим присутственным местам. Перемена эта была проектирована главным начальником края генерал-адъютантом Безаком вследствие принятой им необходимости для устранения разных неудобств в управлении краем разделить Оренбургскую губер-

нию на две — Оренбургскую и Уфимскую. Составленный проект положения о разделении губернии на две 5 мая 1865 года удостоился Высочайшего утверждения и в августе месяца открыты в Оренбургской губернии присутственные места, а назначенные к упразднению некоторые управления войска закрыты. По этому положению станция Орская переименована в уездный город; упразднены канцелярия наказного атамана, гражданская и исполнительная экспедиции войскового правления (и т.д.); а образовано войсковое хозяйственное правление для заведывания всеми без исключения предметами по хозяйству войска и по обращению и поверке войсковых капиталов...

С упразднением полковых правлений круг сношения начальников полковых округов и войскового хозяйственного правления значительно увеличился, потому что они были поставлены в непосредственные сношения с станичными начальниками и правлениями, поэтому было признано необходимым, во-первых, разделить войско на три военных округа, переименованных в 1868 году в отдели с увеличением числа служащих и их содержания; а во-вторых, увеличить число служащих в войсковом хозяйственном правлении и содержание им. Составленные по этому предмету проекты утвердились высочайшего утверждения 10 сентября 1866 года и 9 сентября 1867 года. Вместе с тем утверждено предположение войскового начальства: о разделении войска вместо 68 станиц на 42, об увеличении содержания служащим в станичных правлениях и об отнесении расхода на содержание станичных правлений на общественные суммы, с предоставлением в их самостоятельное заведывание и распоряжение станичных обществ. Предоставление общественных сумм в непосредственное заведывание обществ дало в результате то, что суммы эти с 190047 руб. 96 коп., состоявших к 1868 году, в четыре года, к 1872 году возросли до 250000 руб.; так что в это последнее время ежегодное приращение состояло средним числом из 15000 руб., тогда как прежде оно было около 7000 руб...

Из других мер, как на более важные, следует указать:

А). По военному устройству войска.

Конно-артиллерийские батареи в 1865 году получили номера 1, 2 и 3 и обращены

в облегченные, а в 1869 году им даны четырехфунтовые нарезные орудия. В 1866 году в видах облегчения службы казаков и к представлению им средств к улучшению домашнего быта обязательный срок службы определен для полевой 15, а для внутренней 7 лет. В 1868 и 1869 годах отменено командирование от войска отрядов в Пермскую и Казанскую губернии, а в 1871 году кордонная стража на Оренбургской линии сосредоточена в трех пунктах — Оренбурге, Орске и Троицке — и ограничена всего двумя с половиной сотнями... в 1872 году последовало Высочайшее повеление, по которому с 1879 года должна начаться доставка в войско 21967 скорострельных ружей. Оружие это будет считаться собственностью войска, и расход на него отнесен на войсковые суммы и казну пополам. Для обеспечения нижних чинов в содержании на службе в 1866 году разрешено производить отпуск денег нижним чинам, командировавшимся в степные укрепления и в Туркестанскую область спешными; в 1868 году установлены правила об артельном довольствии фуражом казачьих лошадей в Туркестанском военном округе... Для обеспечения же на службе офицеров разрешено в 1867 году отпущать из военного капитала не в зачет полевых окладов командировавшимся в степь...

В 1867 году состоялось положение о численном составе войска, сроках для строевых частей и о способе их комплектования. По положению этому общий военный состав войска определен в 27000 нижних чинов (в том числе и чинов внутренней службы). Войско должно содержать в готовности конно-артиллерийскую бригаду из 3-х батарей с двумя комплектами нижних чинов и 15 конных. Полный комплект офицеров определен по полному числу этих частей. Из объясненного состава войска должно назначаться постоянно на службу: две батареи, три батальона и пять конных полков. Смена частей должна производиться чрез два с половиной года, по дозволяется казакам прослужить сряду 5 лет. Убыль в военном составе комплектуется малолетками, достигшими 19 лет, по жребью. Кому же достанется жребий не служить, тот зачисляется в войсковые граждане и обязан ежегодно вносить в доход войска по 4 руб. и в доход общественной сум-

мы 56 коп. и, кроме того, нести земские повинности государственные и губернские.

В 1867 году в целях предоставления средств к научному и военному образованию юнкерам, вольноопределяющимся и урядникам, из дворян и обер-офицерских детей открыто в г. Оренбурге юнкерское училище, в котором Оренбургскому войску представлена 61 вакансия. С учреждением юнкерского училища производство урядников в офицеры допускается не иначе как по окончании курса в этом училище или по выдержании экзамена в нем. Вместе с тем для поднятия уровня строевого образования между офицерами служащих по гражданскому управлению урядников велено производить по выслужении узаконенных сроков в классные чины, а производить в штаб-офицерские чины только тех, кто выслужил не менее трех лет в строевых частях войска. Для развития же строевого образования в войска учебная сотня... учреждена на новом положении в виде опыта на три года. Вместе с тем утверждено положение новоставочных или из казаков в станицах, которым определены должности инструкторов из нижних чинов в станицах. Для наблюдающих за обучением офицеров установлены месячные сборы, состязания в цельной стрельбе и наездничестве для желающих и задача призывов достойнейшим из них.

Территория войска

Выше уже сказано, что первоначально казаки жили в Самаре, Уфе, Челябине, а потом в Алексеевске, где им и были даны земли в достаточном количестве. Точно также давались казакам земли и при поселении их по Самарской, Оренбургской, Уйской и потом Илецкой и Новой линиям. При заведении в прошлом столетии по линии поселений в них вместе с казаками селились и гарнизоны, состоявшие из пехотных солдат и драгун, которым тоже предоставлялось заниматься хлебопашеством; поэтому казаки пользовались землей вместе с гарнизнами. Но собственно владельцами земли считались казаки. Отвод земель делался по разным частным распоряжениям главных начальников края (т.е. военных губернаторов или генерал-губернаторов) на основании общих Высочайших повелений о заселении линии,

Б) По прочим частям войскового устройства.

По положению 12 декабря 1840 года должна была назначаться межевая комиссия для определения границ войска, надежная станицы и чиновников поземельными угодьями. Составленный по этому предмету проект положения утвержден только 21 октября 1862 года, а в 1863 году открыла свои действия межевая комиссия. Но в 1867 году по представлению войскового начальства в видах более успешного хода дела и сокращения расходов комиссия эта упразднена, а вместо нее учреждено особое межевое отделение при войсковом хозяйственном правлении, причем изменен как порядок производства работ по съемке, так и правила по наделению землей станиц, вместе с тем разрешено производство работ по проложению тригонометрической сети в войска...

В 1868 году отменено воспрещение иногородним приобретать дома и другие строения в пределах войска...

В 1869 году состоялось Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета, разрешен обмен земель между войска и г. Верхнеуральском... В 1869 же году перечислена из Уральского в Оренбургское войска станица Сакмарская, находящаяся близ Оренбурга.

причем отводы делались, смотря по местностям, не только не в одинаковом размере, но не в одинаковом и порядке. Так по Оренбургской и Уйской линиям поземельные дачи от рек Урала и Уя, находившихся на границе с киргизской степью, отводились во внутрь линии от 7 до 25 верст, а по черте линии – от 17 до 35 и более верст; то есть отводы делались только в три стороны, а отвод в четвертую, залинейную, сторону был исключением, как, например, в станице Красногорской, владевшей землей и за рекой Уралом, что видно из составленного по решению оренбургского губернатора Рейнсдорпа акта о разделе земли между казаками и отставными солдатами. По Сакмарской же линии и в прочих внутренних станицах отводы делались всегда во все стороны на расстояние от 10 до 20 верст, а станица Нагайбацкая имела

отвод на 33 версты в окружности; поэтому поземельные дачи некоторых станиц заключали в себе более 200000 десятин, как, например, дача Челябинской станицы. Но вслед за упрочением власти русского правительства в крае на отведенных казачьих землях начали поселиться государственные крестьяне, то вместе с казаками, то отдельными селениями. Так появились волости государственных крестьян: Кундровинская, Верхнеуральская и Нижнеуральская. На эти поселения при избытке земель у казаков первоначально не обращалось особенного внимания. Впоследствии же казенные палаты начали не только паделать крестьян землей, не обращая внимания на принадлежность ее казакам оброчные статьи, оставляя казакам земли лишь в размере 15 десятин на душу, и этим настолько стеснили казаков, что военный губернатор князь Волконский вошел с ходатайством к высшему правительству о наделении казачьих поселений по Оренбургской и Уйской линиям внутрь не менее 15-верстной полосы, а в прочих местах по 30 десятин на душу.

Правительствующий Сенат представлению князя Волконского признал заслуживающим уважения и в 1818 году сделал распоряжение о наделении казаков землей согласно упомянутого представления. Для приведения в исполнение этого распоряжения, хотя и была учреждена в г. Оренбурге комиссия, которая в 1828 году составила определение по наделению казаков Оренбургского войска землей, но оно за последовавшим в 1835 году Высочайшим повелением о том, чтобы казаков Оренбургского войска иметь собственно по линии, осталось невыполненным, а дарованное 12 декабря 1840 года положение Оренбургскому войску, определенное ему сызновую территорию, настолько изменило обстоятельства, что сообщения комиссии потеряли значение.

В настоящее время Оренбургское войска владеет землей, которая лежит между 50 54 и 55 50 северной широты и 25 4 и 34 55 восточной долготы от Пулково. Самая северная оконечность территории войска находится близ южной границы Пермской губернии по левую сторону реки Миасса, западнее села Алабужского, самая восточная – на западной границе Тобольской губернии, восточнее поселка Алабужского, самая южная – по реке Илеку, близ станицы Буранной, а самая западная – по реке Уралу, на

границе Уральского войска, несколько западнее станицы Рассыпной.

Площадь земли войска можно разделить на две части: северо-восточную и юго-западную. Из них первая находится на юго-восточной стороне уральского хребта, а вторая, огибая этот хребет, в южной его оконечности простирается на западе до предела Уральского войска. Северо-восточная часть заключает в себе около шести седьмых всей массы войсковых земель, а юго-западная часть – остальное количество их. Из них первая имеет вид разностороннего треугольника, в

который с севера и востока, по направлению к г. Троицку, входят углом земли башкир и государственных крестьян Челябинского уезда, потому и земли войска от Троицка к границам Сибири и представляют длинную полосу, постепенно суживающуюся. Вторая, юго-западная часть, от Орска до Оренбурга представляет узкую полосу, несколько расширившуюся во второй половине ее, а за Оренбургом имеет вид четырехугольника от 66 до 132 верст в длину и ширину. Земли войска граничат с землями Уральского войска, государственных и удельных крестьян, башкир, Миасского завода и киргиз (с последними земли войска смежны по всей юго-восточной границе), от Уральского до Сибирского войска. Площадь войска занимает 8 794 000 дес. по последним вычислениям (не окончательным).

Самое большое протяжение войсковой территории от запада к востоку составляет 790 верст, а наибольшее протяжение в направлении перпендикулярном к нему – 260 верст, наименьшее же – 8 верст.

Поверхность земли Оренбургского войска представляет возвышенность. И за исключением северной и восточной частей – безлесную равнину, орошаемую значительным числом небольших рек и в некоторых местах пересеченную довольно глубокими оврагами. На этой возвышенной и всхолмленной равнине выдаются пять хребтовых линий. Первая, пролегая по Илецкому району с востока на запад, с восточной к северо-западу, составляет водораздел речек, орошающих этот район. Вторая – несколько северо-западнее Оренбурга, идет с севера на запад и составляет водораздел притоков Урала и Самары. Третья – несколько западнее Орска, начинается Губерлинскими горами и тянется по направлению к Оренбургу, составляя водораздел токов Урала и Сакмары. Четвертая, северной части войска, идет с запада на восток, составляя водораздел Миасса и Уя. И пятая линия проходит по средине Новолинейного района, составляя водораздел притоков Урала, Тобола и Уя, впадающего в Тобол.

Вообще земли войска плодородны, но в Илецком районе, по реке Илеку, почва

песчана и частью солонцевата, более удобная для пастбы скота. В Новолинейном районе, между станицами Кваркенской и Новоорской, почва каменистая, удобная только для пастбы скота, а в северо-восточной части этого района почва глинистая, покрытая небольшим слоем чернозема, и потому во многих местах малоудобная для хлебопашества. Севернее же Троицка, к востоку, почва во многих местах довольно глинисто-щелочавая, удобная только для пастбы скота.

Вся юго-западная часть войсковой земли и южная половина Новолинейного района почти безлесны. К северу от станицы Кваркенской леса начинаются отдельными колками и около станицы Великопетровской образуют бор Джабык-Карагайский, самый большой в пределах войска. Затем к северо-востоку леса идут опять отдельными колками, составляя местами сосновые боры, из которых более замечательны: Санайский, Карагайский, Верхнеуельский, Косельский и Чебаркульский. Только северная часть войска в окружности г. Челябинска составляет местность лесистую, более низменную, с значительным числом озер, из которых более других по величине земли замечательны: Смоленское, Сугояк, Чебаркуль, Сарыкуль. Из орошающих войско рек самая значительная Урал...

Материальное положение войсковых обывателей

При образовании Оренбургского войска в 1748 году (соединением казаков самарских, уфимских и исетских) казачье население и зачисляемые в казаки, как видно из приведенных выше представлений губернатора князя Урусова и войскового атамана Могутова в хозяйственном отношении было в незавидном положении; на это же указывает и распоряжение военного губернатора графа Эссена, которым вменялось в обязанность засеивать хлеба не менее двух десятин на семью, то есть около 20 пудов.

За прежние времена, по 1841 год, в делах войскового архива нет никаких статистических сведений о хозяйстве казаков, и потому о положении и развитии его ничего сказать нельзя. Из сведений же за 1841 год видно, что к этому времени хлебопашество, главная отрасль промышленности казаков, значительно увеличилось, так что в этом

году количество посеянного хлеба на семейство увеличилось до 55 пудов 20 фунтов, разного же рода скота приходилось на семейство: лошадей по 4, рогатого по 4 и овец по 10 штук. Хотя с этого времени требования относительно обмундирования, вооружения и вообще снаряжения на службу значительно увеличились, но, тем не менее, хозяйство казаков улучшилось, и теперь приходится на семейство: посеянного хлеба 60 пуд, лошадей 5, рогатого 4 и овец 12 штук, несмотря на то, что хозяйство казаков сильно пострадало вследствие совершенного неурожая в 1864 году хлеба и трав, убавившего у казаков только в течение первой половины зимы 1864/65 годов на 17 138 голов крупного и 92 760 голов мелкого скота.

Развитие же торговли и промышленности в войске оказало заметные успехи не

только против 1841 года, когда было уже 83 завода, производство которых простиралось до 90 875 руб., потому что теперь такое же почти (85) число заводов производит на 129 011 руб., т.е. более чем на 38 136 руб.; а торговые обороты, простиравшиеся в 1864 году до 2 164 839 руб., увеличились до 4 991 173 руб., более чем вдвое. Вместе с увеличением торговли, промышленности и хлебопашества увеличивалось и самое производство сельскохозяйственных произведений, так что в 1862 году на Всемирной Лондонской выставке оренбургскому казачьему войску по приговору международ-

ной комиссии присяжных присуждено две медали с надписью: «Honoris causa», одна «за коллекцию льна, пеньки, марены и других земледельческих произведений», а другая «за замечательное и поучительное собрание хлебов превосходного качества». Кроме того, за доставленный на ту же выставку пуховый платок работы казачек Оренбургского войска, последним присланы также медаль и свидетельство. На бывшей в 1872 году в Москве Политехнической выставке Оренбургскому войску присуждена почетная награда первой категории за коллекцию хлебных растений.

Средства к образованию в войске и их развитию

Во время образования Оренбургского войска в нем школ не было, и грамотность была так слабо распространена, что даже в 1754 году из числа 1380 служивых казаков, старшин и атаманов в Исетской провинции не было ни одного грамотного, почему к ним был назначен атаман, хорунжий и писарь из оренбургских казаков, в среде которых грамотность была более развита, потому что при Оренбурге были поселены казаки из городов Самары и Уфы, были и происходящие из дворянских родов и из иноземцев. Вообще грамоте учились где и как случится, и школ не существовало до 1819 года, в котором по Высочайшему повелению, объявленному в отношении дежурного генерала главного штаба Его Императорского Величества к командиру Оренбургского отдельного корпуса, учреждены школы в станицах Миасской, Еткульской, Еманжелинской, Чебаркульской, Косельской, Уйской, Бакалинской, Едязцкой, Табынской, Гатищевой, Сакмарской, Алексеевской, Красносамарской, Борской, Гоцкой, Сорочинской, Ольшанской и при Оренбургском казачьем полку в Форштадте, что ныне станица Оренбургская. К этим 18 школам в 1881 году прибавилось шесть, открытых в станицах Никольской, Танаальской, Верхнеуральской, Санарской, Кочердыцкой и Буранной. К 1838 году число школ увеличилось до 30, в которых было 913 учеников. В этом году командовавшим в то время войском генерал-майором Щуцким были составлены правила о порядке управления школами.

Этими правилами было установлено, что учителя определяются из лиц казачьего со-

словия и лишь при невозможности этого из вольнонаемных, но не иначе, как по испытанию их войсковым начальством в знании дела и нравственности. Вольнонаемные учителя должны получать плату по условию, которую собирать только с людей состоятельных всей станицы, освобождая бедных. Учителя войсковых сословий обязаны были учить бесплатно, потому что им засчитывалось это за действительную службу. Впрочем, жителям предоставлялось на добрую волю платить и такому учителю, но плата не должна была превышать 3 рублей ассигнациями в год с семейства, и то лишь состоятельного. Предметы учения заключались в чтении, письме, арифметике и Законе Божием. При этом вменялось в обязанность учителям «вразумлять учеников к скорейшему и прочному навыку всего им преподаваемого, основательным истолкованием каждого предмета с терпением и кротостию, снисходя в особенности к малолетним, потому что неуместною строгостию можно изгнать в ученике готовность к наукам, а скромность и вежливость при благоразумии и твердой воле поселит соревнование в учениках». Вменялось также в обязанность учителям обучать учеников гимнастике, строю и фехтованию саблями и пиками, чтобы приготовить из учеников людей военных, потому что школы должны быть рассадниками для пополнения достойнейшими из обучающихся в них комплекта урядников и офицеров. Школы эти принесли войску в свое время немало пользы, и из учившихся в них и теперь есть штаб-офицеры, с честью занимающие высокие посты в войске.

В 1841 году число станичных школ было 31 с 1 073 учениками в них. В 1848 году школы заведены при каждом станичном правлении, так что число их увеличилось до 69, причем учителям определено из войскового капитала жалование: учителю школы в Оренбургской станице 57 руб. 14 коп., а в прочих станицах по 28 руб. 58 коп., но с 1855 года содержание школ отнесено на станичные суммы. В 1862 году увеличено жалование учителям Оренбургской станичной школы до 85 руб. 72 коп., а в прочих школах до 42 руб. 85 коп.

К 1865 году станичных и отрядных школ было 103 с 2 960 учениками и кроме того 36 девичьих школ, в которых обучалось 615 девочек и 86 мальчиков. В 1867 году отменен определенный оклад жалования учителям, а с 1868 года прекращен отпуск пособий из войскового капитала на содержание станичных управлений и школ тем станицам, общественные суммы которых были недостаточны; но несмотря на эту отмену и на то, что увеличено жалование всем служащим по станичному управлению, отчего станичные расходы значительно увеличились, число школ продолжало увеличиваться, так что к концу 1871 года их было 129 мужских с 3 760 учениками и 50 женских с 1 035 ученицами. Но особенно замечательно число школ после приглашения войсковым начальством жителей к открытию школ там, где их еще не было: число школ менее чем в год возросло до 300 мужских с 8 769 учениками и до 119 женских с 2 241 ученицей. Увеличение числа школ следует отнести, как к тому, что жители поняли пользу грамотности, так отчасти к тому, что теперь вой-

сковым начальством требуется, чтобы каждый новоставочный казак был грамотным, и потому не бывшие в школе новоставочные обучаются грамоте. Увеличение числа школ в последнее время тем более обращает на себя внимание, что содержание учителей и учительницам везде назначается много большее, чем прежде. Вместе с тем строятся здания для школ, где их не было и перестраиваются существовавшие так, чтобы представляли необходимые удобства при обучении и имели отдельное помещение для учителя или учительницы. Все это требует значительных затрат со стороны обществ, как единовременных, так и постоянных. В числе школ по желанию жителей учреждена одна центральная школа в той местности второго военного отдела, которая почти исключительно населена казаками из нагайбак, предки которых были магометане и которые до сих пор придерживаются обычаев предков, сохранив татарские языки. Эта школа открыта в 1871 году с курсом большим против других начальных школ и с жалованием 400 руб. учителю, приглашенному из Казанской губернии из получивших образование в духовном училище. Цель учреждения этой школы та, чтобы молодое поколение, пройдя чрез школу, могло усвоить понятия и образ жизни, свойственный христианству, и отрешиться от обычаев предков, часто противоречащих условиям христианского общества. Вообще же начальные школы в войске, кроме общеобразовательных целей, должны служить одним из главных средств к подготовке мужского населения с самого раннего возраста к казачьей службе, развивая в нем присущую

казакам сметливость и ловкость. Для достижения первой цели обращено внимание на то, чтобы войсковые школы имели по возможности способных учителей, и в этих видах в прошлом 1871 году были собраны в г. Оренбурге и Сакмарской станице съезды 75 учителей и учительниц; и как опыт дал удовлетворительные результаты, то в настоящем году испрошено ассигнование из войсковых сумм ежегодно по три тысячи рублей на подобные съезды во всех трех военных отделах войска, на которые в прошлом лете и было создано в шести разных местах 416 учителей и учительниц. Для достижения второй цели ученики школ в свободное от классных занятий время обучаются казачьему строю, приемам шашкою и пикою, употреблению их в бою, а более взрослые знакомятся с правилами сборки и разборки казачьего ружья. Вообще же все упражняются в гимнастике и приучаются к дисциплине. Принятие мер к улучшению школ и приращению новых, в других местах уже введенных, правил преподавания дают надежду, что со временем школы эти устроятся на прочном основании и принесут войску существенную пользу. Но это дело будущего, потому что такой важный предмет для действительного принесения пользы требует много времени, труда и средств.

Для образования детей войсковых чиновников до 1824 года не было в войске никаких учебных заведений, кроме тех школ, о которых говорилось выше, и войско не имело вакансий в других учебных заведениях. С учреждением в г. Оренбурге в 1824 году Неплюевского военного училища дети войсковых чиновников получали

образование в нем, но число вакансий было недостаточно (в 1841 г. — только 2, а в 1842 году прибавлено еще 7), поэтому в 1841 году исходатайствовано 10 вакансий в столичных кадетских корпусах; а затем было увеличено число вакансий в Неплюевском военном училище, переименованном сперва в кадетский корпус, а потом преобразован в военную гимназию. Кроме того, в 1855 году дано 10 вакансий в Казанской гимназии, а для девиц в 1849 году исходатайствовано 10 же вакансий в Оренбургском девичьем училище, переименованном в Николаевский институт. В 1865 году войско имело для воспитания детей войсковых чиновников всех вакансий в строительном училище — 2, в Орловском Бахтина и в Полоцком кадетском корпусах — 10, в Неплюевском кадетском корпусе — 30, в Казанской гимназии — 10. Всего для мальчиков — 52 вакансии, на что ассигновалось 7 730 рублей и 10 вакансий для девиц в Николаевском институте, на что ассигновалось 1 300 рублей. В настоящее время войско имеет всего вакансий: для мальчиков 72 (в этом числе 10 вакансий для казачьих детей) и для девочек 18, на воспитание которых ассигнуется ежегодно по 18 550 руб., включая в число означенных особо определенных вакансий вольноприходящих в Оренбургских гражданской гимназии и девичьем училище 1 разряда. Кроме того, войско имеет 61 вакансию в Оренбургском юнкерском училище для детей офицеров, на содержание которых отпускаются из войскового военного капитала и пользуются вакансиями бесплатно в Оренбургской военной прогимназии.

Число населения войска и служилого разряда

В настоящее время число населения состоит из 252936 душ обоего пола, в том числе мужского 124 532 и 128 403 женского. Собственно же в строевых частях числятся штаб- и обер-офицеров 264, урядников 1 857 и казаков 24 247. Кроме того, по внутреннему управлению в войске и в других местах служит: из числа числящихся в конных полках 45 штаб- и обер-офицеров, 217 урядников и 290 казаков. Для вооружения строевых частей войска в нем имеется для конных полков до 15 600 нарезных и 6 и 7-линейных винтовок и ружей, в том числе 2 949

пехотного образца, 285 пистолетов, 13 968 шанк и 11 970 пик. Для пеших батальонов 2 983 нарезных 6-линейных винтовок, 78 нарезных 7-линейных штуцеров Гартунга, 750 нарезных 7-линейных ружей и 2 919 гладкоствольных ударных. Итого 6 730 ружей и 162 пистолета; для багарей 1 588 пистолетов и 1 835 шанк.

С 1873 года должна начаться высылка скорострельных ружей, которыми должны будут замениться ныне имеющиеся.

(Окончание следует)

«Ах, Форштадт,

Улица Кавалерийская, дом 33,
в котором жил писатель Виктор Серж
(В.А. Кибальчич) в 1933-1936 гг.
Рисунок Влади (В.В. Кибальчича,
сына писателя) 1935 г.

мой Форштадт...»

Очередной материал рубрики представлен автором, известным уже читателям по истории заселения села Михайловское (Шарлык).¹ На этот раз исследование Александра Исковского связано с дорогим сердцу каждого оренбуржца местом, подходящим к своей крайней грани исчезновения – Форштадту, тесному многоэтажкам, в том числе образцами мегаполисной европейской архитектуры. Было у Форштадта и иное название, тесно связанное с Оренбургским казачьим войском, местом жительства казаков, – «станция Оренбургская». До сих пор не удается возродившимся казачьим обществам не только создать здесь, по праву истории, этнографический уголок казачьего поселения, но даже музей Оренбургского казачьего войска, имевшего перед отечеством столь многие заслуги. Исчезающее наследие имело в свое время вид, представленный на сохранившихся дореволюционных планах. Несомненный интерес вызывают первоначальные наименования улиц и переулков Форштадта, связанные с наиболее славными именами казачьих деятелей (Шилова, Углицкого, Могутова, Авдеева, Подурова, Чертова) и военными кампаниями, в которых принимали участие оренбургские казаки (Карская, Задунайская, Ахал-Текинская и др.).

Форштадт – станция Оренбургская

«Форштадт выстроен особо от городу, в полуверсте согласно проекту... Оной Форштадт положение имеет на сухом месте при каменных колодцах. Жительство имеют служащие и отставные казаки и их дети. Службу отправляют по линии, на отрядах. Сверх сего упражняются в хлебопашестве на выгонной земле и особой обмежеванной, принадлежащей даче пустоши на ускарском маре. В том

Форштадте дворов 360, жителей – 1 073 муж. пола и 1 200 жен. пола, под усадьбами земли 65 дес. 864 саж., торговых лавок и ярмарки не имеется, питейный дом один деревянный».²

¹См. «Славянский базар» №3, ст. «Оренбургских ветвей рязанские корни».

²Российский Государственный архив древних актов (РГАДА), фонд 1355, опись 1, дело 13, лл. 26, 29.

Улицы Форштадта 100 лет тому назад

Порядок улиц указан с севера на юг:

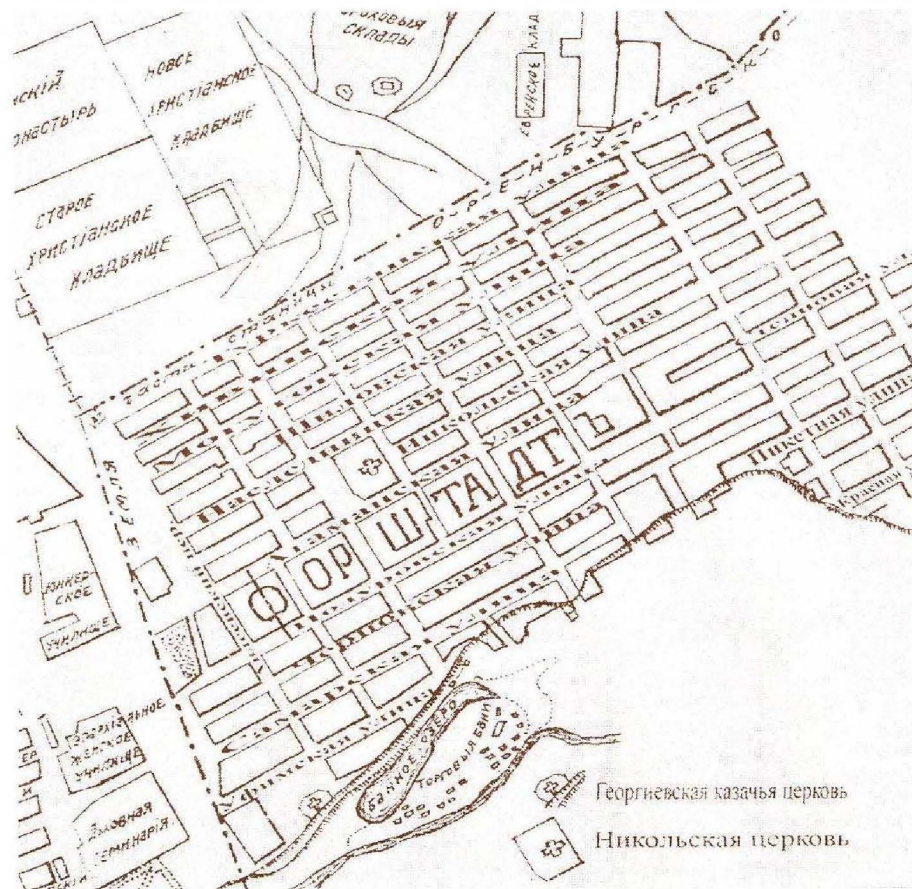
1 - Туркестанская, в память службы оренбургских казаков в Туркестанском военном округе.

2 - Хивинская, в память знаменитого в русской военной истории похода в Хиву отрядов Туркестанского и Оренбургского, в составе которых принимали участие 13 оренбургских сотен и 2 батареи, а также в честь нового оренбургского Хана Хивинского (с 1926 г. улица Каширинская, с 1938 года улица 12 Декабря).

3 - Могутовская, в честь второго войскового атамана Василия Могутова, прослужившего войску на этой должности 30 лет, с 1748 по 1778 гг.; при нем и благодаря его трудам и усилиям войско получило должное устройство и организацию (с 1928 г. улица Мало-Ленинская).

4 - Шиловская, в честь первого войскового атамана Матвея Шилова (с 1926 г. улица Тимирязева).

5 - Наследницкая, в честь Наследника Цесаревича Николая Александровича

Улицы Оренбургской станции (Форштадт) по карте г.Оренбурга 1913 года

(Николая II) атамана всех казачьих войск, в 1891 году въехавшему по ней в станицу Оренбургскую (т.е. Форштадт) и проследовавшему к Никольской церкви (с 1926 г. улица Красноармейская).

6 - Никольская, улица против алтаря церкви св. Николая (с 1957 г. улица Партизанская).

7 - Атаманская, главная улица станицы, в честь проехавшего по ней атамана всех казачьих войск (конец XVIII в. улица Большая, с 1926 г. улица Мало-Советская, с 1938 г. улица Чкалова).

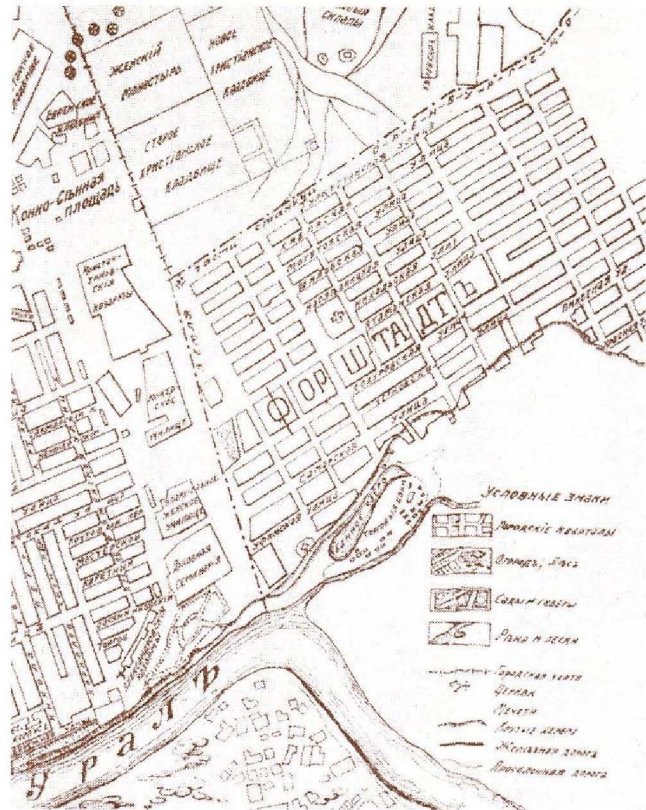
8 - Подуровская, в память заслуг командира И.В. Подурова, отличившегося в 1829 году в Турции с 9-м полком (за это отличие полку пожаловано знамя), впоследствии наказной атаман Оренбургского казачьего войска (с 1926 г. улица Карла Маркса).

9 - Черновская, в воспоминание бывшего Самарского атамана Ивана Черного и напих предков, их заслуг пред отечеством, живыми памятниками которых служат войсковые знамена, в числе коих есть принесенные со старины и пожалованные за прежние боевые заслуги казакам при И.Черном в 1734 и 1735 гг. (с 1928 г. улица Буденного, с 1957 г. Донецкая).

10 - Самарская, в честь первых поселенцев Форштадта, самарских казаков (с 1926 года улица Кавалерийская).

11 - Уфимская, в память уфимских казаков, первопоселенцев Форштадта (с 1926 г. улица Пугачевская 1-я).

В 1746 году по распоряжению первого оренбургского военного губернатора Ивана Ивановича Неплюева для нового казачьего поселения (улицы Уфимская и Самарская) над обрывом же была заложена камен-

План Оренбургской станицы Форштадт. 1914 г.

ная церковь, освященная 23 апреля 1756 г. в честь великомученика и Победоносца Георгия. В ближайших кварталах к этой церкви и были поселены жители Форштадта – уфимские и самарские казаки; ввиду этого и церковная площадь названа Георгиевскою.

12 - Степовая (ниже Атаманской), в воспоминание о многих степных походах (с 1937 г. улица Колхозная).

13 - Пикетная (ниже Черновской, выходящая против Красного бугра), потому что на бугре в прежнее время выставлялся сторожевой казачий пикет.

14 - Сторожевая, следующая за Пикетной кнзу (с 1919 г. улица Потехина).

15 - Красная (сохранила свое название).

16 - Стросния, обращенные в луга, названы Луговой стороною.

Переулки Форштадта:

1 - Авдеевский, идущий сзади старинного правления и выходящий к бывшему дому полковника Петра Ивановича Авдеева (автора «Исторической записки об Оренбургском казачьем войске»), назван в благодарность за рдение и заботы покойного о казачьих интересах и более всего об интересах Оренбургской станицы (с 1926 г. пер. Красный).

2 - Углицкий, в память войсковых атаманов Углицких, занимавших эту должность с небольшими перерывами пять раз, в общей сложности в продолжении около 33-х лет; причем под начальством одного из них (войскового атамана полковника Василия Углицкого) два оренбургских казачьих полка – Атаманский тысячный и 3-й пятисотный принимали участие в Отечественной войне 1812 года (с 1926 г. пер. Гринберга).

3 - Бассейнный, назван по бассейну, который находился на перекрестке ул. Атаманской и этого переуллка.

4 - Армейский (идущий от Никольской площади вверх), в воспоминание того, что казаки участие полков на Западе в составе действующей армии вообще называли «службой в армии», а казаков, возвращавшихся из похода – «армейскими» (ныне территория не существует).

5 - Кордонный; назван так потому, что прежде здесь на краю старого Форштадта стоял казачий кордон (с 1926 г. улица Степана Разина).

6 - Задунайский, в воспоминание о неоднократном участии оренбургских казаков в сражениях с турками в войсх 1809 и 1829 гг. и во многих делах и взятии турецких крепостей на Дунае и за Дунаем (с 1926 г. улица Красного Казачества).

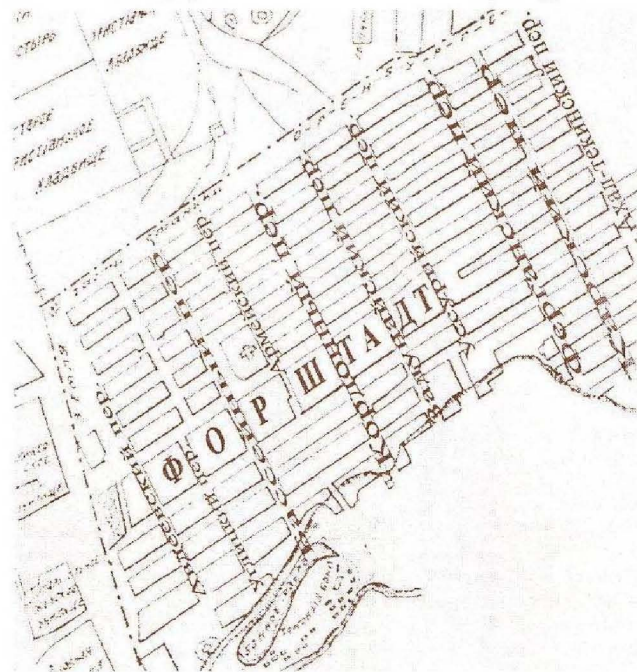
7 - Уссурийский, в память выделения из Оренбургского войска в 1895-1896 гг. 100 семейств на усиление Уссурийского казачьего войска (с 1926 г. улица Спартаковская).

8 - Ферганский, в воспоминание участия оренбургских казаков во многих делах при покорении Кокандского ханства в долине Ферганы и дальнейшей службы в Ферганской области в 6-м полку (с 1926 г. улица Уральская).

9 - Карский, в память похода в Азиатскую Турцию в 1877 и 1878 гг. и участие в осаде крепости Карса (с 1926 г. улица КИМа – Коммунистического Интернационала Молодежи, существовавшего с 1919 по 1943 г.).

10 - Ахалтекинский, в память участия казаков в Ахал-Текинской экспедиции (с 1926 г. улица Парковская).

11 - Банный, идущий к баням с Самарской улицы (с 1937 г. пер. Крутой).

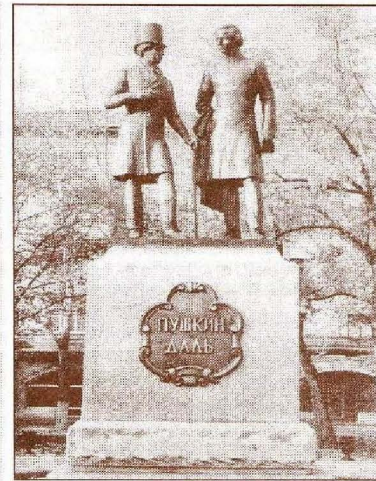
Переулки Оренбургской станицы (Форштадт) по карте г. Оренбурга 1913 года

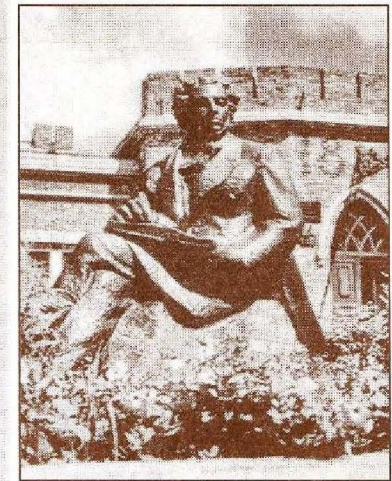
В 1833 году Оренбург посетил величайший из русских поэтов и пробыл здесь 30 сентября, 1-го и 2-го октября (18-20 сентября ст. ст.)

Оренбургские дни Александра Сергеевича Пушкина

174 года тому назад, 18 сентября ст. стилия (30 сентября н. ст.) 1833 года Александр Сергеевич Пушкин приехал в Оренбург. Пробыл он здесь три дня – выехал из Оренбурга 20 сентября (2 октября н. ст.). В пределах Оренбуржья русский гений находился 5 дней, с 17 по 21 сентября ст. ст. (с 29 сентября по 3 октября н. ст.). Оренбургские дороги Пушкина в эти дни проходили вдоль двух рек – Самара и Урала – через крепости Елишанская, Бузулук, Погромная, Тоцкая, Подгорный ям, Сорочинская, Воробьевский умет, Новосергиевка, Переволоцкая, Татищевская, Рычковский хутор, Чернореченская, Оренбург, (вновь Чернореченская, Рычковский, Татищевская), Нижнеозерная, Расветная и далее на Уральск. Во всех этих пунктах в память о пребывании здесь великого русского поэта установлены мемориальные доски (кое-где и памятники).

Памятник А.С. Пушкину и В.И. Далю в Оренбурге. Скульптор Н.Г. Петина

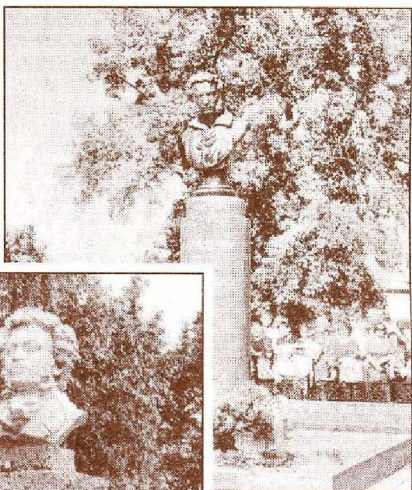
Памятник А.С. Пушкину у здания Музея истории города. Скульптор В. Степанян

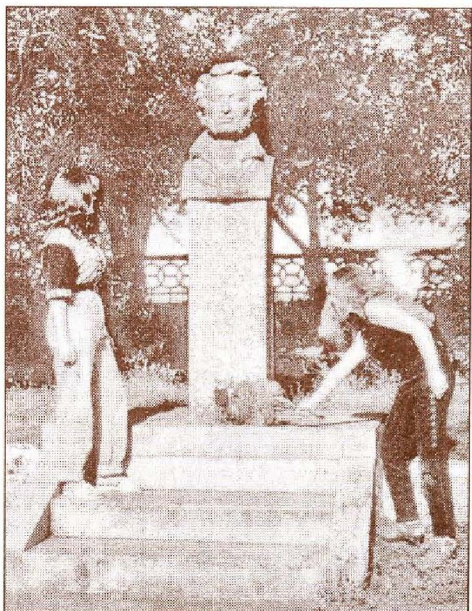
Памятник А.С. Пушкину в Бёрдах.
Скульпт. А. Козырев, арх. С. Смирнов

Бюст А.С. Пушкина
в п. Новоселівка

Бюст А.С. Пушкина
в с. Тагищево

Барельеф А.С. Пушкина в
с. Черноречье

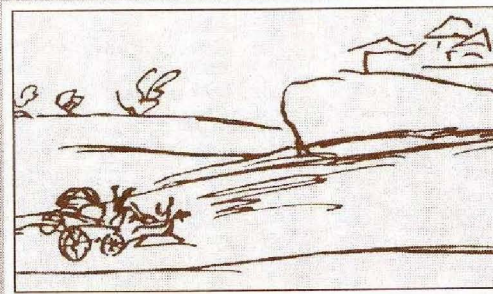
Фото
В.И. Верстукова

(Из комплекта открыток «Пушкин и Оренбуржье».
Автор В.И. Верстуков)

Бюст А.С. Пушкина в г. Бузулуке.
Скульпторы Е.К. Есин и С.П. Иванов

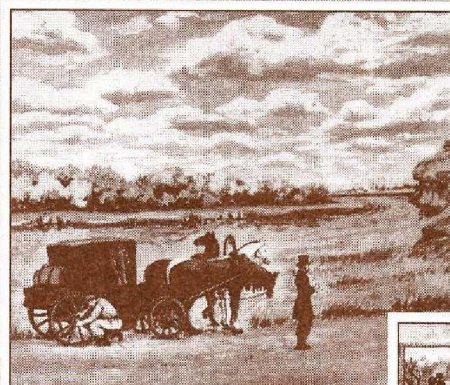

Карта
путешествия А. С. Пушкина
из Петербурга в Оренбург.
Составили П. П. Пастухов
и Н. И. Бабкин
(Фрагмент)

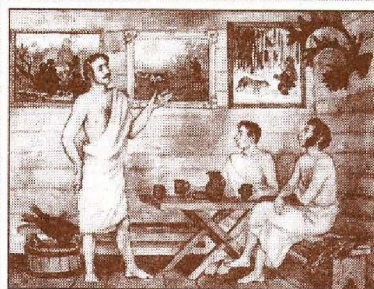

Нижнеозерная.
Дорожный рисунок
А.С. Пушкина.
Сентябрь, 1833 г.

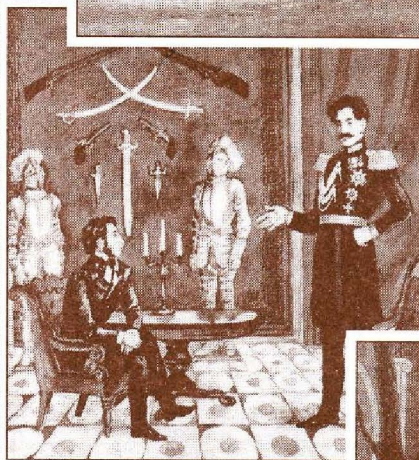
А.С. Пушкин у ставиры Нижнеозерной

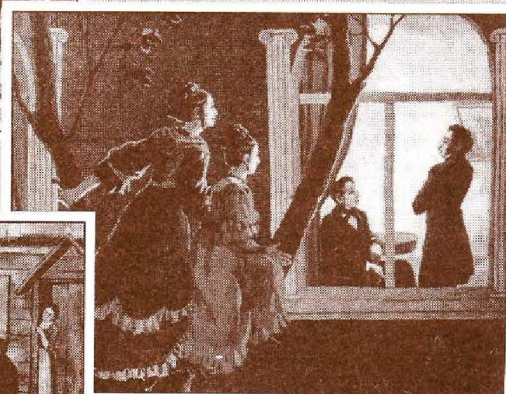
Дом Тимашевых –
квартира В.А. Перовского

А.С. Пушкин в баре К.Д. Артихова,
дир. Оренбургского Неплюевского училища

В гостях у В.А. Перовского

Вечер у В.И. Дала

Бёрды. Беседа с казачкой И.А. Бунтовой

Рисунки Ольги Козловской

(Из комплекта открыток «Пушкин и Оренбуржье».
Автор В.И. Верстукое)

Записки Н. Г. Залесова

(Продолжение)

Глава XIV

Составление отчета. – Работы по
Эмбенскому посту. – Назначение
обер-квартирмейстером. –
Назначение Черняева. – Сцена с
Безаком. – Ссора Безака с
Григорьевым и Черняевым. –
Левкович. – Гюббенет. – Заслуги
Безака

Н.Г. Залесов

Безак встретил меня очень приветливо, долго расспрашивал о Петербурге и польских делах.

К весне я был произведен в подполковники и купил себе маленький домик недалеко от церкви Петра и Павла, переделкой которого занимался в продолжение всего лета.

К осени Данзас был произведен в генерал-лейтенанты и вскоре назначен генерал-провиантмейстером главного штаба его величества, и мы временно остались без начальника штаба.

Зиму эту Оренбург провел очень весело; я был избран старшиною дворянского клуба, и мы, новые старшины, повели хозяйственные дела собрания так удачно, что могли веселиться вволю, к чему поощрял нас и сам Безак, посещая каждый раз клуб и даже устраивая вечера у себя дома.

К осени я переехал в недостроенный дом, так что в октябре месяце мы жили еще в двух комнатах, рядом с которыми другие стояли без окон и штукатурились.

Пришел Рождественский пост; скончался батюшка жены генерал Бутурлин, и наступало время поездки Безака в Петербург с отчетом по краю. Однажды вечером я получил от него записку с приказанием прибыть к нему. Время призыва меня удивило, но я поехал.

— Я имею к вам просьбу, Николай Гаврилович, — встретил меня Безак, — вы хорошо пишете, знаете все здешние дела, и потому прошу вас составить мне всеподданнейший отчет по военной части. Пользуйтесь всеми материалами, приезжайте ко мне, когда хотите, но, пожалуйста, будьте как можно кратки.

Я принялся за работу как всегда с кипучей деятельностью; рядом со мной жил горный инженер Михайлов, которому было поручено составить отчет по гражданской части, и мы старались работать как бы из соревнования. Часто за это время я ездил к Безаку, читал черновые и всегда был рад умной его беседе; в январе отчет мой был готов и уместился всего на 13 листах крупного письма. Безак меня благодарил, хотя и заметил о нехорошем числе 13.

Безак прожил в Петербурге до мая месяца и перед приездом в Оренбург остановился на несколько дней в Самаре. Я получил от него передовой высочайший приказ о назначении меня обер-квартирмейстером на место Дандевиля, назначенного еще на Пасху атаманом Уральского войска. Признаюсь, я был приятно изумлен этим.

За месяц до приезда Безака состоялось высочайшее повеление о возведении Эмбенского укрепленного поста в степи. Нужно было возвести его в одно лето, свежими

Эмбу материалы из Оренбурга, выслать туда рабочих и гарнизон, дать им инструкции на случай неприязненных действий киргиз и обеспечить людей всем необходимым на год. Всякий поймет, какую это составляло работу, когда в степь можно выслать людей не иначе, как снабдив их буквально всем необходимым, начиная от иголки, кусочка ваксы, дратвы и кончая перцем, луком, удочкой и всякой одеждой. Старик генерал Ладыженский, прочитав такое повеление, только развел руками и, призвав меня (я исправлял уже должность Дандевилля), сказал:

— Я тут ничего не знаю; поручаю все дело вам, Николай Гаврилович, и возлагаю всю ответственность на вас. В случае какого-нибудь промаха, вы уж меня извините, и прямо донесу на вас.

Хотя дело было для меня знакомое, но задача была очень обширна и требовала крайней осмотрительности при исполнении. Я заперся на две недели на своей квартире, работая с моим старшим писарем Ефремовым, и все соображения по движению, снабжению и действиям команды были изготовлены, а данные мною инструкции послужили примером в будущем для всех подобных работ.

Одновременно со мною последовало и назначение начальником штаба корпуса полковника Михаила Григорьевича Черняева, о котором Безак давно уже собирал справки и получал везде весьма лестные отзывы, но я, лично зная характеры обоих лиц, был тогда же уверен, что они долго не живут вместе.

Лето Безак проводил на даче в зауральской роше.

В половине лета приехал Черняев; мы с ним встретились по-прежнему дружески, и я старался познакомиться его подробно с характером Безака, но едва ли не напрасно: их натуры были слишком противоположны, чтобы ужиться. Безак принял Черняева чрезвычайно любезно и, как все старые корпусные командиры, сказал ему:

— Поручаю вам, как ближайшему моему помощнику всю военную часть; сделайте что хотите, но только докладывайте мне. Для меня лично будет достаточно гражданских дел.

При такой широкой свободе можно было хорошо работать, но Черняев по своей горячности и крайней обидчивости все испортил. Через месяц уже начались неприятности по случаю недостатка провианта в степных укреплениях. Безак упрекнул Черняева, отчего он не пришел заблаговременно необходимых мер, а Черняев обиделся и взвалил всю вину на обер-провиантмейстера Левковича, что было не совсем справедливо; однако же, Безак его поддержал. Он распек Левковича, и тот вскоре отказался от своей должности, нажив в Оренбурге порядочные деньги своими подрядами по поставке провианта в степь через киргиз.

К осени отношения Черняева к Безаку стали еще более натянутыми, и кроме резкой разницы во взгляде на действия отрядов в Средней Азии к этому присоединилась и другая причина. С приездом Безака в край фонды председателя областного правления киргизами Василия Васильевича Григорьева, пользовавшимся таким авторитетом при Перовском и Катенине, очень упали, так как Безак не любил при себе влиятельных людей. Пошли псевдовольствия, которые всеми мерами разжигал правитель канцелярии Безака Тарасов.

Получив донос на Григорьева, Безак назначил ревизию областного правления. Вражда между Григорьевым и Безаком разгорелась страшная, и Григорьев послал по этому делу донесение министру Валуеву. На беду Черняев был очень дружен с Григорьевым еще со времени первого своего пребывания в Оренбурге. Знакомство это продолжалось и теперь, что сильно не нравилось Безаку, который, наконец, стал просить Черняева официально прекратить знакомство с Григорьевым, находя неудобным при ссоре с последним, что начальник штаба его оставался в близких отношениях с его врагом. Черняев, будучи честным человеком, как и следовало ожидать, отказался от исполнения такого предложения и по свойственному русскому человеку состраданию к угнетенному стал еще внимательнее к Григорьеву. На святки Безак посылал в Петербург и докладывал лично государю о правоте своей в деле с Григорьевым. Кончилось тем, что Григорьева сменили.

Поехал в Петербург и Черняев, предчувствуя свою беду; там они несколько опять сошлись с Безаком, и Черняев получил начальство над рекогносцировочным отрядом к стороне Туркестана с приказанием, однако же, отнюдь не брать этого города.

Раннеею весною Черняев прибыл в Оренбург и, спустя несколько месяцев, уехал на Сырт, сохранив за собою место начальника штаба, а спустя месяц возвратился и Безак.

К осени я перешел в казенный дом оберквартирмейстера, где занялся и с назначением начальником штаба. Дом этот находится в Атаманском переулке, и я жил в нем до последнего дня моего пребывания в Оренбурге.

До сих пор мне приходилось говорить большею частью о Безаке, как о начальнике военном, по долг справедливости заставляет упомянуть о деятельности этого умного человека и как гражданского администратора. Познакомившись с краем, Безак обратил особенное внимание на безотрадное положение башкир и со свойственною ему энергиею провел в Государственном Совете положение об обращении этого импровизированного войска в мирных граждан.

Он же первый ввел гражданское управление в Оренбургском казачьем войске, насколько оно было возможно при обязанности войска нести военную службу, и в этих видах соединил должность атамана с должностью губернатора вновь образованной Оренбургской губернии.

По обоим войскам были произведены обширные хозяйственные и межевые работы, и ежегодно особая комиссия, в которой я был председателем, поверяла их. Все эти распоряжения были благотельны для войск и гражданского прееуспейния края, а реформа в Оренбургском войске послужила для военного министерства примером для преобразования по тому же образцу донского и кавказского казачьих войск. Строгая экономия во всех расходах после размашистой деятельности Перовского и Катенина значительно сократила в крае все расходы казны и в то же время дала Безаку возможность значительную часть состоявшихся в его непосредственном распоряжении средств употребить на общепользные учреждения в Оренбурге. Так около 50

тысяч рублей было им употреблено на устройство общественных бань в Оренбурге, получивших название Александровских, и значительные суммы на проведение тротуаров и особенно на устройство в городе водопровода, возведение которого поручено было состоявшему при нем полковнику Савину. Он же оздоровил Оренбург, срыв его крепость и построив прекрасные казармы. Безак не жалел также денег на выписку разных машин для Сыр-Дарьи, устройство там плавающих мельниц и проч. Ему обязан Оренбургский институт своим расширением, и он же образовал комиссию, в которой я был членом, для переустройства Оренбургского Неплюевского кадетского корпуса. Безак охотно допускал на хозяйственные места мопетников, ибо, как неоднократно говорил мне: «Я допускаю их потому, что они люди умные и ловкие, и всякое дело, какое я им поручу, они сделают хорошо, а если при этом и украдут, так ведь у нас без этого нельзя».

В эту зиму приехал в Оренбург для набора свиты его величества генерал-майор Тотенборн. Не желая угощать его дома, Безак постоянно обращался ко мне с просьбою почаще устраивать вечера в клубе, говоря: «Пусть его пашет». И, действительно, полуседой уже Тотенборн лихо отплясывал мазурку. Он был женат на дочери известного богача Базилевского, мать которого еще в молодые мои годы, жила в небольшом домике в г. Серватимаке, тогда как сын ее, составивший состояние откупам, имел известный всему миру отель Базилевского в Париже и жил на самую широкую ногу.

Глава XV

Вторая поездка в Петербург в 1863 году

В конце июля месяца во время самого сильного разгара польского мятежа, когда разрыв с европейскими державами казался несомненным, в Оренбурге, напротив, ничто не нарушало нашей покойной жизни.

Едва оправаясь от тяжелой болезни, я раз вечером преспокойно пил чай, пользуясь временным прекращением служебных за-

нятий, когда вошедший вестовой объявил о приезде «штаб-начальника» и желании его видеть меня. Выйдя полуодетый в кабинет я нашел исправлявшего должность Черняева генерала Левенгофа, который с недоумевающим лицом подал мне телеграмму военного министра корпусному командиру и спросил, не знаю ли я, что она значит. В телеграмме было сказано: «Вследствие высочайшего повеления прошу немедленно командировать в Петербург обер-квартирмейстера подполковника Залесова, если вы не встречаете к тому препятствий по службе».

Удивленный не мене Левенгофа, я отвечал, что не понимаю этого вызова, чему он, видимо, не поверил и с улыбкою спросил:

— Корпусной командир, зная, что вы нездоровы, поручил узнать, можете ли вы ехать и когда.

— Я переговорю с доктором и немедленно дам знать о своем решении генералу Безаку.

Проводив Левенгофа, я углубился в докладку относительно своего вызова и, признаюсь, не мог остановиться ни на одном предположении. На другой день доктор разрешил мне ехать через три дня, и я немедленно отправился к корпусному командиру с этим ответом. Генерала Безака я нашел в сильном недоумении насчет причины моего вызова, а бывшие тогда у него неприятности с полковником Черняевым заставляли, по-видимому, думать, что я, как человек, близкий Черняеву по расположению и мундиру, едва ли не вызываюсь для того, чтобы разъяснить эти неудовольствия военному министру. Поэтому он долго толковал со мною о бесактивности действий Черняева на Сыр-Дарье и всеми мерами старался представить свои распоряжения в самом благомеренном виде.

Через три дня ранним прекрасным июльским утром я был на персозе через Сакмару; здесь обнял я бедную жену, боившуюся за мое здоровье, и курьерская тройка понесла меня в Самару, откуда я тотчас же поплыл вверх по реке на пароходе Волжского общества. Духота в каютах второго класса была страшная, купечество ехало в Нижний на ярмарку; к довершению же всего, с первым шагом на пароходе меня встряхну-

ла жестокая лихорадка со страшным бредом, так что я, как пласт, лежал на нарах каюты до 11 часов вечера, т. е. до прихода в Симбирск. Здесь, благодаря Богу, все пассажиры отправились смотреть на иллюминацию по случаю приезда Наследника Николая Александровича, а я, пользуясь прохладой в каюте, очнулся и немного пришел в себя. Лихорадка, слава Богу, больше не повторялась, и я через шесть дней был в Петербурге. Прежде всего я явился к ближайшему моему начальнику, генерал-квартирмейстеру Веригину, но к совершенному моему удивлению поразил его своим приездом, так как оказалось сей патриархальный человек и не ведал даже о моем вызове. Немедленно послал записку к военному министру с докладом о моем приезде и с вопросом, когда будет угодно принять меня. Ответ последовал: «Явиться на другой день прямо в квартиру министра в 11 часов утра».

Министр жил тогда на Большой Миллионной. Ровно в 11 часов я приехал к нему и немедленно был принят. После первых приветствий министр сказал мне:

— Вам, конечно, известно, как патянуты наши отношения с западными державами. В случае войны мы ничем не можем вредить Англии в Европе — остается одна Азия. Вы знаете эту страну и потому можете нам в случае надобности устроить туда экспедицию, если не для вторжения в Индию, то, по крайней мере, для отвлечения сил англичан из Европы и нанесения их торговым интересам как можно больше вреда. Явитесь к генералу Игнатьеву, он сообщит вам все подробности по этому предмету, и вы составите по его указаниям соображение. Дело это требует большой тайны, и потому о вашем поручении никому ничего не говорите.

Такое приказание поставило меня в исключительные отношения к генерал-квартирмейстеру, который, как и все другие начальствующие лица, засыпал меня вопросами насчет причины моего приезда, и я едва-едва отговорился тем, что вызван для министерства иностранных дел с целью представить ему отчет о походе Черняева и вообще разъяснить положение дел в Средней Азии.

Н. П. Игнатьев

На другой день я поехал в Азиатский департамент и явился к директору его, генералу Игнатьеву. Он был мой старый знакомый и, дружески встретив меня, сказал:

— Что, батюшка, вытащил-таки я вас в Петербург. Мы ехали с военным министром из Царского Села в одном вагоне и толковали о том, как бы напасть на англичанам; тогда я указал ему на вас, как на человека, который может нам придумать по этому хорошему штуку и исполнить ее. Министр тотчас же согласился, послал телеграмму и вот теперь извольте-ка работать у нас.

Затем Игнатьев передал мне суть предположений; они состояли в следующем.

С открытием войны сформировать из войск оренбургского и кавказского корпусов отряд, направив эти войска из Красноводска и Оренбурга через Хиву к Аму-Дарье и далее вверх по реке, а потом на Кабул и в тоже время двинуть особый отряд кавказских войск от Астрабада через Герат и Хоросан тоже к Кабулу. Начальство над кавказским отрядом предполагалось поручить Хрулеву, а над сборным — Черняеву, к которому я должен был поступить в каче-

стве начальника отрядного штаба. Собственно моя работа должна состоять в определении силы и направления войск, следующих к Хиве, расчет продовольствия и верблюдов, определении места и силы этапных пунктов в степи и количества припасов при отряде и, наконец, в определении стоимости всех вообще издержек экспедиции в продолжение года, не считая разных мелочных соображений.

Работа была нелегкая, тем более, что в Петербурге я не имел под рукою необходимых местных данных и должен был действовать на память; кроме того, у меня не было таких специальных по степным делам помощников, каких имел в своем штабе в Оренбурге. К счастью, схавши в Петербург, я захватил с собою на всякий случай кое-какие интендантские справки и степные сведения и при помощи своей памяти принялся за дело. Пять суток я не выходил из своего номера в «Hotel de France» и, наконец, черновое соображение было готово. С ним я отправился к Игнатьеву, и, занявшись в директорском кабинете, мы занялись чтением проекта. Изменив кое-что из моих предположений, Игнатьев велел мне переписать своей рукой проект и отвезти его к военному министру.

На этот раз министр принял меня рано утром, приказав явиться к нему вместе с генерал-квартирмейстером. Началось чтение, и Веригин, изумляясь, вероятно, такому нежданному им проекту, хлопал от удивления глазами, не сказав ни слова от себя. По окончании чтения министр приказал сделать несколько поправок в соображении, поблагодарил меня за труд и велел исправленный проект передать генералу Игнатьеву.

— Мы думаем сделать диверсию и со стороны Сибири, — сказал министр, — и с этою целью вызван сюда подполковник Голубев (генерального штаба); хорошо, если бы вы дождались его и сговорились насчет общего плана действий.

— Действия со стороны Сибири, если и будут, то пойдут на далеком расстоянии от нас, и потому ничего общего между нами не будет, кроме определения времени движения, что может быть сделано и по переписке.

— Значит, вы хотите поскорее домой отправиться?

— Если позволите.

— От вас зависит пожить у нас или ехать.

— В таком случае позвольте мне теперь же откланяться вам.

— Оставьте у меня адрес вашей квартиры, я пошлю с вами письмо Александру Павловичу Безаку. Он ничего не знает о цели вашего вызова.

И, простившись со мною весьма любезно, министр приказал Веригину выдать мне в виде пособия при поездке полугодовое жалованье.

При свидании на другой день с Веригиным я выслушал от него кучу любезностей.

— Поверьте, — говорил он, — вы у нас на отличнейшем счету, и при предстоящем образовании округов мы готовим вас для занятия высших должностей по генеральному штабу. Затем он подробно расспрашивал меня об управлении генерала Безака и интересовался всеми частностями его жизни.

В настоящую поездку в Петербург я успел побывать только у двух знакомых: у Аничкова, который жил тогда на Карповке, принимая эту помойную дужу с увлечением истого петербуржца за действительную дачу, и у генерал-провиантмейстера Данзаса.

Помню очень хорошо один из проведенных у Аничкова вечеров. Судьбе угодно было созвать как раз в это время со всех концов России большую половину нашего академического выпуска, и Аничкову пришла мысль позвать нас всех к себе на ужин, тем более, что он только лишь получил с Кавказа от какого-то приятеля несколько бурдюков с сахетинским. Из 11-ти человек выпуска, оставшихся в живых и на службе, собралось нас 8, а именно: хозяин, я, Окольный, Полторацкий, Быховец, Глиносцкий, Шевелев и Уфнярский. Весело прошла наша беседа в воспоминаниях молодости и рассказах моих об Оренбургском крае и управлении Безака, действиями которого в степи тогда многие интересовались.

У Данзаса я был два раза, в том числе раз обедал. Какой гастрономический обед был приготовлен. Казалось, все помысли, все жизненные стремления хозяина сосредото-

чились только на еде. Каждое блюдо подавалось по особым правилам: одно — на холодных тарелках, другое — на горячих, в известного рода посуде: то в стеклянной, то фарфоровой, то медной, а различных приправ было столько, что я потерял счет и в простоте души, к видимому неудовольствию собеседников, часто брал себе такую приправу, какой, по мнению их, вовсе не следовало. За обедом было нас всего четверо: хозяин, я, Меньков и Шубин. Меньков, несмотря на то, что только что лишь приехал с какого-то завтрака, данного биржей государю, ел за пятерых и не говорил ни слова. Хозяин по временам только спрашивал его, хорошо ли, вкусно ли приготовлено и не надо ли прибавки; явства беспрерывно запивались елисеевским вином. В 6 часов кончился обед, и я тотчас же распростился с Данзасом.

Две недели прожил я в Петербурге, и какую громадную разницу нашел в настроении его общества сравнительно с 1861 годом!

Тогда все кричало и тянуло за воскресные школы, отказывалось от всего приобщенно русского и симпатизировало освобождению Польши, открыто поощряло борьбу ее с Россией в ущерб самим же себе.

В своем месте я описал тогдашнее свое пребывание в Петербурге, теперь же скажу только, что в настоящую поездку не только в яве, но если бы в домашней беседе решился кто-нибудь замолвить слово за Польшу, то рисковал получить прямо название изменника, бесчестного человека.

Теперь газеты читались нарасхват и с таким горячим патриотическим чувством, которого и примера не было в 1861 году. Теперь печатались знаменитые энергические ноты князя Горчакова, так резко отвергавшие все поползновения европейских держав на вмешательство в наши дела с Польшею. Ежеминутно ждалось появления неприятельских флотов с десантом, но ждалось с какою-то уверенностью, что дерзость союзников не пройдет даром. Патриотизм и преданность царю в данную минуту вырывались наружу с неудержимою силою, не зная границ, и Горчаков мгновенно стал национальным героем, пророком дня.

Глава XVI

**Зима с 1863 на 64 год в Оренбурге. —
Отъезд Безака в 1865 г. — Письмо
Полторацкого. — Тимашев. —
Назначение Крыжановского. — Статья
моя в «Московских ведомостях»**

По возвращении в Оренбург, я передал Безаку письмо военного министра и рассказал о цели моего вызова в Петербург, но несмотря на полную открытость, Безак, как видно, предполагал, что вызов мой не был чужд размовки его с Черняевым.

Действительно, в это время отношения их достигли крайней напряженности. Черняев роптал, что Безак не доверяет его способностям и помешал ему отличиться в Туркестане. Безак же сбился на свое обещание министру иностранных дел не завязывать при тогдашних наших отношениях в Европе никаких дел в Средней Азии и на то, что Черняев, не исполнив инструкции, втянул его в ответственность перед государем и т. д. Словом, ясно было, что этим людям служить вместе нельзя, и Безак, не стесняясь временной командировкой Черняева в Туркестан, не допустил его по возвращении к исправлению должности начальника штаба. Напрасно я уговаривал Черняева не горячиться и держаться строгой законности — он ничего не слушал и был в таком раздражении, что свидание его с Безаком грозило последнему большими неприятностями.

Переговорив с Левенгофом о возможности скандала между Черняевым и Безаком, мы отправились к последнему и, описав ненормальное состояние Черняева, просили Безака быть как можно мягче в объяснениях, тем более, что отстранение его от должности начальника штаба Черняев не может не считаться оскорблением.

Доводы наши действовали. Безак стал оправдывать свои действия и пригласил нас присутствовать на другой день при свидании его с Черняевым. В 10 часов утра мы были в приемной Безака, вслед за нами вошел Черняев, и мы втроем вошли в кабинет корпусного командира. Только что мы вошли, как Безак бросился к Черняеву, схватил его за руки и заплакал. Признаюсь, такой комедии я не ожидал.

— Не сердитесь на меня, любезный Михаил Григорьевич, я не мог, не должен был иначе действовать, как настоящим образом. Я человек государственный и должен сообразовываться с интересами всей России, а не одного Оренбургского края, и за это дам ответ государю.

Черняев на все это отвечал очень кратко, оправдывая свои действия; разговор его был сух, без всяких любезностей; через полчаса они расстались гораздо большими врагами, чем были. Черняев провел еще некоторое время в Оренбурге, ожидая какой-то помощи от Полторацкого, управлявшего тогда азиатским отделением в главном штабе, но, не дождавшись ничего, уехал в Петербург, а на место его окончательно был назначен Левенгоф.

С огромным самолюбием, когда-то очень красивой наружности, любимец всеильного тогда генерала Политковского (инженер), Левенгоф был в то время согбенный полустарик, страдавший разными болезнями. Он пользовался большим расположением Безака.

Со времени возвращения моего из Петербурга отношения мои с корпусным командиром однако же изменились. Безак по-прежнему ценил мою службу, но перестал меня приглашать к себе обедать, и вообще он и жена его отдалились от меня. Причину этого мне вскоре разъяснил мой хороший знакомый и кум, командующий башкирским войском генерального штаба полковник А. П. Богуславский; он передал мне, что Безак получил из Петербурга письмо от моего товарища по академии Быховца, который передал ему с разными украшениями рассказ мой про Безака на вечере у Аничкова. Так как все мои разговоры в Петербурге относились к страшной скупости Безака, то, не сознавая за собою особого греха, я оставался совершенно равнодушен к холодности корпусного командира и его супруги. К чести А. П. Безака следует однако же сказать, что он никогда не смешивал дела службы с частными отношениями и при всяком удобном случае представлял меня к награде и постоянно вне правил.

В продолжение зимы несколько раз устраивались в нашем клубе литературные вечера в пользу бедных, и в одном из них я

А.П. Безак

решился принять участие. У меня была готова лепа для «Искры» статейка, в которой юмористическим образом в самом безвредном однако же виде описывались некоторые из наших оренбургских генералов. Эту статейку, процenzурированную в редакции «Уфимских губернских новостей», я и прочел на одном из вечеров. Безак, как и другие, слушал статью со вниманием, хохотал чуть не до истерики, но зато генералы разобиделись на меня, вследствие чего на будущее время было решено не пропускать в литературных вечерах ни одной рукописной статьи без предварительной цензуры самого Безака.

В конце лета 1863 года я распростился со своим добрым знакомым А.П. Богуславским, которого Безак не мог вынести за самостоятельность его мнений. Мы задали Богуславскому прощальный обед и заставили там танцевать хромого Левенгофа. Богуславский вскоре попал на Кавказ, а впоследствии был сделан главным начальником казачьих войск.

Между тем, правительство не оставило однако же в покое дел в Средней Азии, и весной 1864 года были двинуты войска со стороны Сибири и Оренбурга с целью со-

М.Г. Черняев

единить нашу пограничную линию. Из Сибири пошел тот же полковник Черняев на Мерке и Аулиэта, а с Сыр-Дарьи полковник Веревкин на Туркестан. Все эти крепостенки вскоре пали, и первой военной жертвой с нашей стороны был генерально-штаба капитан Каховский, убитый при осаде Туркестана. Мы, офицеры генерального штаба, сделали подписку и поставили ему памятник около Туркестана, а престарелой его матери государь дал в пожизненную пенсию жалованье сына.

В октябре месяце 1864 года, я получил длинное секретное письмо от Полторацкого, выдержки из которого считаю интересным привести здесь для характеристики той осторожности, с которою военный министр приступал к решению того или другого важного вопроса, а равно и взглядов его в то время на среднеазиатские дела.

Вот начало письма Полторацкого:

«Дмитрий Алексеевич (Милютин) поручил мне просить вас доставить ваше мнение и сообщить некоторые сведения... по прежде всего позвольте оговориться; не думайте, что фраза, которую я поставил в начале письма, равносильна выражению, общеупотребляемому каждым начальни-

ком отделения военного министерства: «по приказанию военного министра». Мне действительно поручено просить вас лично самим Дмитрием Алексеевичем с тем неперемнным условием, чтобы то, что вы сообщите, и вообще вся наша переписка по этому делу оставалась полнейшим секретом для всего Оренбурга и Петербурга».

Далее излагалась суть представлений Безака и Дюгамеля о соединении Оренбургской и Сибирской линий и об устройстве пограничного края, и выражался тот полный разлад во взглядах на ведение этого дела, который обнаружился между корпусными командирами. Взамен таких соображений мне сообщалось для разработки и критической оценки следующее предположение, составленное лично военным министром.

1. Оренбургскую, Уфимскую, Самарскую, Тобольскую и Томскую губернии вовсе изъять из-под ведения генерал-губернаторов, т. е. уничтожить оба генерал-губернаторства.

2. Устроить два военных округа, Степной и Уральский; границами между ними будут Уральский хребет и линия вдоль Мугоджарских гор к Аральскому морю.

3. В состав Степного округа войдут большая часть регулярных войск Западной Сибири и Оренбургского края: Сибирское казачье войско, 8 полков Оренбургского, расположенные к северу от Орска, вся Сибирская степь, Аральская флотилия, восточная и средняя часть оренбургской степи. На начальника округа будет возложено управление киргизами и все сношения с Китаем и всеми среднеазиатскими владельцами и охранение границ.

4. В состав Уральского округа войдут: Оренбургская, Уфимская, Самарская и Астраханская губернии, казаки уральские, астраханские и четыре первых полка Оренбургских, киргизы Букеевской орды и Западная часть оренбургской степи.

5. Затем Оренбургское войско может быть упразднено. Первые четыре полка войдут в состав Уральского, остальные восемь — Сибирского войска.

В заключение говорилось, что все мои мнения будут представлены в оригинале военному министру. Мне в это время было не привыкать к запросам военного министра. Благодаря особой его любезности и

несмотря на мой маленький чин, я постоянно получал из канцелярии военного министерства (что продолжалось и впоследствии) на предварительный просмотр тот или иной проект преобразований по военному министерству и вообще устройству войск. Дело же, теперь предстоявшее моему обсуждению, меня в особенности интересовало. Сожалею, что у меня не сохранилось копии с длинного моего ответа Полторацкому. Насколько помню, я не признавал тогда возможным принять целиком проект военного министра и настаивать на необходимости сохранить до времени за Оренбургом управление как всею Оренбургскою степью, так равно и соединяемого по реке Сыру Сибирско-Оренбургскую пограничную линиюю.

С соединением линий весной 1864 года Веревкин был назначен атаманом Уральского войска, а Черняев — начальником вновь образованной Кокандской передовой линии, подчиненной Оренбургу.

К осени 1864 года в Оренбурге сталиноситься слухи, что А.П. Безак думает уйти из края. Вскоре сам он начал заявлять, что зимы в Оренбурге очень суровы, что он уже стар для управления таким отдаленным краем, гребующим беспрерывных поездок в степь и проч. К Рождеству же положительно стало известно, что Безак переводится генерал-губернатором в Киев на место умершего Анненкова. У нашей публики пошла подписка на обед и бал отъезжающему генерал-губернатору, и наконец, на святках состоялись оба торжества. Неизвестно почему-то в городе разошелся слух, что я буду говорить прощальную речь и при том в весьма правдивых выражениях. По этой причине мне дали место за столом против генерал-губернатора; в продолжение стола все с нетерпением поглядывали в мою сторону; но я речи не говорил, а речь прочел по тетрадке генерал Лодыженский, на которую Безак отвечал похвалами всем и каждому, говорил в патетических местах чуть не со слезами. Через несколько дней состоялся и бал, на котором жена Безака, встретив меня, сказала при всех:

— Вы, говорят, пишете пьесу, в которой выводите на сцену нас с мужем только под другими именами.

— Я никакой пьесы не пишу, — отвечал я, — а для выражения своих чувств не нуждаюсь ни в пьесе, ни в изменении имен, ибо, как человек откровенный, всегда и всем говорю прямо в лицо то, в чем убежден.

Тем и кончился наш разговор. За ужином я пожелал Безаку от имени офицеров генерального штаба всего лучшего в жизни, а на другой день после завтрака в собрании мы простились и при том навсегда, я его более уже не видал. Но не забыл Безак своего нерасположения ко мне и впоследствии, рекомендуя преемнику и племяннику своему генерал-адъютанту Крыжановскому разных лиц, служавших в Оренбурге, сказал про меня:

— Это отличный знаток края, человек способный, старайся привлечь его к себе, но берегись в то же время его, он человек умный, хитрый и имеет в высшей степени злой язык.

По отъезде Безака я опять сильно заболел. Сидя в это время дома и по обыкновению читая, я нагнулся в «Московских ведомостях» на статью, подписанную «Генерал Фадеев», которая, трактуя о будущих действиях Кавказской армии, в то же время неосновательно рассуждала о способе действий оренбургских войск в Средней Азии. Будучи близко знаком с последними делами, я решился написать возражение и, считая статью Фадеева официальной, подписал и под своей статьей чин и фамилию. Статья моя была напечатана в 47-м номере «Московских ведомостей» 3-го марта 1865 года. В этой статье на основании моего личного опыта и моих сведений о Средней Азии я доказывал неосновательность предположений Фадеева и предлагал правительству обратить свое внимание на Аму-Дарью, не бояться англичан и, приводя ханства Хиву, Бухару и Кокан к покорности, отнюдь однако же не присоединять их к нам, а поставить там наших консулов, держать эти владения под нашим протекторатом, имея постоянно под рукою военную силу...

Боже мой! Сколько эта статья вызвала криков в Петербурге и наделала мне неприятностей. Министр иностранных дел первый закричал, что я открыл сокровеннейшие его тайны, что он сам думал действовать на Аму-Дарье именно таким образом, как я предполагал, а потому и про-

сил военного министра взыскать с меня. При этом меня заподозрили, что я составил статью на основании официальных документов, которых не имел права обнаруживать. О всей этой кутерьме мне сейчас же сообщил из Петербурга Полторацкий. Получив такое известие, я немедленно написал письмо к генерал-квартирмейстеру Веригину, в котором объяснял:

1) Что о тайных помыслах и планах министра иностранных дел, живя за две тысячи верст от Петербурга, я ничего не знала и не мог знать, ибо в имевшейся в Оренбурге официальной переписке не было даже и намека министерства на то, что я писал о будущих действиях наших в Средней Азии. 2) Все ссылки в моей статье сделаны или на мои же статьи и записки, в разное время поданные мною генерал-губернаторам Катенину и Безаку, или основаны на личных путешествиях в Средней Азии. 3) Под статей выставлял чин, потому что и Фадеев сделал то же самое.

Но объяснения эти ни к чему не повели, и я получил строгий выговор.

Замечательно, что через несколько лет после того, как я напечатал свою статью, назначенный туркестанским генерал-губернатором генерал Кауфман буквально стал следовать той системе, которую я рекомендовал, и как общественное мнение, так и правительство вполне одобрили такой способ действий, за предложение которого я получил строгий выговор.

Немало мне повредило и то, что издатель «Московских ведомостей», всесильный тогда Катков, по поводу моей статьи напечатал в том же номере своей газеты передовую статью, в которой, заподозревая правительство действовать наступательно в Средней Азии, не одобрял подобного намерения, а, известно, что тогда с одобрительными или отрицательными отзывами Каткова сообразовывалась вся наша высшая администрация, и стоило только Каткову выразить насчет чего-либо свое неудовольствие, как у высших наших сановников, к ведомству которых относились слова Каткова, подымался страшный переполох.

Месяца через три после напечатания статьи явился ко мне проезжавший в Тап-

кент гвардейский кирасир Г-ий и передал, что Катков глубоко извиняется передо мной за те неприятности, которые наделал мне своими комментариями, считая ошибочно статью за официальную; при этом он просил убедительно продолжать писать в его газету о Средней Азии, но я с тех пор ничего уже не писал в «Московские ведомости».

Глава XVII

Знакомство с Н.А. Крыжановским. — Поездка его на Сыр. — Удаление Черняева и назначение Романовского

В конце мая или июня 1865 года приехал, наконец, в Оренбург и генерал Крыжановский. На другой день было представление всех чинов. Подойдя ко мне и поздоровавшись со всевозможною любезностью, Крыжановский сказал:

— Очень, очень рад с вами познакомиться, мой любезный, я весьма дорожу вашей службой и вашим знанием края, пожалуйте, будем работать вместе, помогите мне.

Я заметил, что прежде личного знакомства с ним уже имел неудовольствие получить от него выговор.

— Не беспокойтесь об этом, — отвечал Крыжановский, — это все министерство иностранных дел наделало; я уже говорил об этом с военным министром, в моих глазах это замечание не имеет никакого значения, и уверяю вас, что вы ничего не потеряете от этого.

Вечером того же дня он пригласил меня на свою дачу в рошу, где мы с ним вдвоем пили чай и протоковали весь вечер о делах края, причем он охотно соглашался со всеми моими предположениями по степи, не обижаясь несколько резкостью моих возражений по поводу некоторых его мыслей.

Крыжановского я знал еще в чине полковника в Бухаресте, куда он был назначен зимою 1853 года из штаб-офицеров по искусственной части Киевского арсенала начальником штаба артиллерии 3-го, 4-го и 5-го пехотного корпусов. Он был человек солидно образованный, способный и весьма добрый.

С переменою генерал-губернатора последовала и перемена главных админист-

Н.А. Крыжановский

ративных лиц в Оренбурге. Так, оренбургским атаманом и губернатором вновь открытой Оренбургской губернии был назначен молодой полковник Боборыкин, а начальником областного киргизского управления полковник Балюзек. Правителем же канцелярии был выбран служивший прежде в министерстве внутренних дел Холодковский.

Вслед за приездом генерал-губернатора был открыт в Оренбурге округ, и я был назначен помощником начальника штаба. Первое время отношения Крыжановского к военному министру были весьма дружественными: он естественно вынужден был заискивать его расположения, чтобы утвердиться на месте, в свою очередь военный министр считал необходимым сблизиться с Крыжановским для того, чтобы установить между ним и Черняевым дружественные отношения. Все дело поэтому было устроено еще в бытность Крыжановского в Петербурге. Вслед за Крыжановским приехал в Оренбург полковник Романовский и немедленно был послан в Уральск исправлять должность атамана до приезда Веревкина, а потом Крыжановский взял его с собою для обозрения Коканской линии. Ро-

мановского я знал еще в академии и помню его штабс-капитаном егерского князя Чернышева полка. Он сначала служил в инженерях, а потом, не знаю почему, перешел в пехоту. По выходе из академии генерального штаба и будучи в образцовом полку, Романовский поссорился с товарищем своим по академии и дал ему пощечину, за что был разжалован в рядовые. С открытием Крымской кампании он определился в войска Кавказского корпуса и попал в милость к князю Барятинскому. Для Барятинского хорошо было пользоваться наставлениями простого рядового или офицера младших чинов (Романовскому вскоре были возвращены чины), ибо никто не мог заодозрять, чтобы всемогущий наместник мог жить умом такого маленького смертного, как Романовский. С назначением редактором «Русского инвалида» Романовский покинул Оренбург, но не надолго.

Не прошло месяца по приезде нового генерал-губернатора, как между ним и Чернышевым выпали уже недоразумения. Чернышев хотел действовать независимо: штурмовал Ташкент, наложил арест на бухарских купцов и просил Крыжановского секвестровать их товары на Оренбургской линии. Крыжановский не знал, что делать в первую минуту. Я помню, в полночь прискакало мне на дачу казак с убедительною запискою приехать к генерал-губернатору немедленно; записка была помечена 10-ю часами вечера. Не имея на даче лошадей и живя за 8 верст, я отправился только в 7 часов утра, но до моего приезда Крыжановский уже решил арестовать бухарские товары и донес министрам военному и иностранным дел, что вынужден это сделать по настоянию Чернышева. Семя раздора между ним и Чернышевым уже было брошено.

Чернышеву нужны были на экспедицию и другие расходы немалые деньги и подарки, а деньги ему так же, как и подарки, высылали микроскопическими долями. Шла длительная переписка об ассигновке сумм по новым контрольным правилам, а события не ждали. Чернышев кругом задалжал, забрал из всех казенных мест вопреки контролю все свободные суммы, у подчиненных — часы и другие золотые вещи на подарки азиатцам, без чего невысказанно было

управлять этим народом. Телеграфа тогда до Сыра не было, а между тем, бухарский эмир задержал отправленное к нему посольство Татаринова и открыл военные действия. Чернышев не падал духом. Без денег, без провианта и подарков, с тремя слабыми батальонами, он держал край в повиновении, воевал с Бухарой и, окруженный молодежью, не думал о завтрашнем дне и не исполнял инструкций, посылаемых из Оренбурга. Тогда генерал-губернатор обратился с телеграммой прямо к канцлеру князю Горчакову с просьбою удалить Чернышева, если только министр не хочет новой и общей войны в Средней Азии. Телеграмма подействовала, и через два дня канцлер отвечал, что высочайше повелено отозвать Чернышева, о чем через день сообщил и военный министр. Так кончил свою боевую деятельность на Сыре М.Г. Чернышев, человек храбрый, безукоризненной чистоты, но в то же время плохой администратор, начальник, до мелочности самолюбивый и постоянно действовавший под первым впечатлением.

Эту зиму я отдыхал, ибо должность моя помощника, как и всех вообще помощников, не имела определенного значения, а как генерал Левенгоф был сам большой охотник до работы, то на мою долю только и выпадало отдыхать и читать, чем я пользовался. С приездом семейства Крыжановского у нас оживились клубные вечера; жена его приняла на себя председательство в благотворительном обществе и по этому случаю старалась сгруппировать около себя наших жен, а с ними получали и мужья приглашения на вечера и обеды к генерал-губернатору.

В январе месяце, когда разыгралась история с Чернышевым, приехал в Оренбург бухарский посланник с жалобой на Чернышева государю, и Крыжановский поручил мне встретить посланника и привести к нему в дом, где в то время были собраны для вящего парада чины всех управлений в мундирах. Я исполнил это поручение.

Вечером в тот же день я преспокойно сидел в кругу своей семьи, когда получил от генерала Левенгофа записку прибыть на другой день по делам службы в 9 часов утра к корпусному командиру, а так как эти за-

писки получались часто, то я и не придавал ей особого значения.

Еду в 9 часов утра и застаю у командующего войсками Левенгофа. Крыжановский встретил меня очень любезно и, взяв со стола телеграмму, сказал:

— Телеграмма канцлера, Чернышев сменил. Любезный Николай Гаврилыч! Вот мы с начальником штаба перебрали всех служащих в крае и кроме вас не нашли никого, кто бы мог в настоящее время заменить в Азии Чернышева. Я знаю ваш решительный характер, вас никто не проведет там, вы отлично знаете страну — прошу вас принять место Чернышева. Признаюсь, такое предложение меня озадачило. С слабым моим здоровьем, с огромной семьей на руках, ехать суровой зимой по голой степи две тысячи верст управлять краем, где не было ни войск, ни денег, ни сообщений, ни опытных администраторов, шла война и ежеминутно грозило общее восстание мусульман, — было большим риском. Все это я тут же высказал Крыжановскому, но он возразил:

— Было бы с вашей стороны желание, остальное все устроится; семью вашу оставьте до весны здесь, и я берусь сам ее покоить. Недостаток войск вы замените вашей энергией и решимостью, денег, сколько у меня найдется свободных, я вам дам, затем распорядитесь там, как хотите. Еще раз прошу вас помочь мне.

Я поблагодарил за доверие и, повторив, что я не искал этого места, принял предложение. При мне же была составлена телеграмма к военному министру в самых лестных для меня выражениях, в которой испрашивалось о моем назначении с производством в генерал-майоры по манифесту, несмотря на то, что я не более полугода был полковником. На другой день я обедал у Крыжановского, когда он получил шифрованную телеграмму, с которой и ушел в кабинет; через несколько минут позвали туда и меня. Телеграмма была от военного министра, и в ней значилось, что, так как я очень молод по службе, то военный министр предлагает выбрать на Сыр генералов Батезатула, Богуславского, Веревкина и еще кого-то. Крыжановский отвечал, что Веревкин необходим в Уральске, Богуславский страдает ипохондрией, а остальных он

не знает и только за меня принимает полную ответственность и вновь просит о моем назначении. Прошло еще два дня в ожидании, когда получилась новая телеграмма от министра, что он остановился в своем выборе на генерале Веревкине. Делать было нечего, и Крыжановский согласился. Признаюсь откровенно, я душевно порадовался, что чаша эта миновала меня. Как ни легко было в мои годы и в моем чине получить такую команду, но дальняя поездка в суровую зиму при моем здоровье, хаос, царствовавший на Сыре, и отсутствие всяких связей в Петербурге, без чего бессмысленно смело распорядиться в степи, всего этого достаточно было, чтобы охолодить и тот минутный порыв военного честолюбия, который появился у меня при первом предложении Крыжановского.

Немедленно после телеграммы министра был вызван в Оренбург Веревкин, и начались распоряжения по его отъезду. Веревкин собирался тоже с величайшей неохотой и предлагал мне хлопотать о занятии его места, говоря, что мне будет очень хорошо в Уральске, но я был доволен и настоящим положением. Сборы Веревкина приходили уже к концу; он пригласил многих лиц ехать с собою, были отдачи по поездке его разные приказания, когда пришла новая телеграмма от военного министра, в которой говорилось, что высочайше повелено впрямь до особого распоряжения командировать временно для командования войсками на Сыре генерала Романовского, который выезжает из Петербурга такого числа. Покорился и этому решению Крыжановский. Веревкина тотчас отправили в Уральск, и начали готовить все для Романовского, который не заставил себя ждать.

Командующий войсками поручил ему составить для себя инструкцию, расспрашивал о плане его действий, на что Романовский отвечал очень сбивчиво, видимо утаивая принятые в Петербурге решения, и затем вскоре отправил его на Сыр. Романовский выпросил у меня и взял с собой старшего моего писаря Ефремова, человека разумного, отлично знавшего степь и, сделав правой своей рукой, при помощи его стал править страной.

Д.Н. Романовский

В эту зиму я стал хлопотать о приискании детям гувернантки. Оренбург был тогда переполнен сосланными полками, и по рекомендации одного офицера я пригласил очень образованную молодую литвянку по фамилии Мисевич, воспитанницу Виленского института, одна сестра которой давно уже жила в гувернантках у начальника штаба Оренбургского казачьего войска Зенгбуша, а другая у чиновника особых поручений генерал-губернатора Левницкого. Выбирать было не из чего, выписать же тогда гувернантку из столицы стоило огромных издержек, а потому мы с женой обрадовались такому случаю. Надо сказать, что собственно сосланы были в Оренбург мать Мисевич и младшая дочь, жившая у Левницкого, старшие же две сестры, хоть и были арестованы, но по неимению улики были по собственному желанию отправлены в Оренбург для совместной жизни с матерью. Когда г-жа Мисевич поступила к нам, ей было только 17 лет, но она отличалась замечательно красивой наружностью...

Глава XVIII

Поездка в Петербург с Крыжановским. – Поход против Бухары. – Отъезд в Петербург генерал-губернатора и Романовского

С приездом Романовского на Сыр Черняев первое время оставался еще там, но, вида, что Романовский, несмотря на старое товарищество, держит себя в стороне и за советами к нему не обращается, решила выехать из Ташкента, провожаемый самыми горячими напутствиями подчиненных и туземцев, ценивших его честность и щедрость. В Оренбурге он пробыл день и, побывав у Крыжановского, отправился в Петербург.

Так кончилась деятельность Черняева в степи. Без средств, без полномочий и особого плана он покорил обширную область и грозно поставил русское имя среди азиатских хищников. Заносчиво и дерзко бросился он на неприятеля с ничтожными силами, сорил, где мог, деньгами, не давая никому отчета и, пронесясь, как метеор, исчез с Сыр-Дарьи.

Между тем у Крыжановского вскоре пошла с Романовским та же история, что и с Черняевым, т. е. мы писали и приказывали одно, а Романовский отписывался и делал совсем другое, объясняя все изменением обстоятельств и медленностью почты; кроме того, он не скрывал, что в некоторых случаях, донося генерал-губернатору, он в то же время шипит военному министру. Такой способ действий не мог считаться ненормальным. Подошла Пасха, Левенгоф тяжело заболел, просился в заграничный отпуск, и я, вступив в исправление должности начальника штаба, стал ездить с докладом. На Сыре готовились к войне с Бухарой и до Крыжановского стали доходить слухи, что Романовский составляет проект нового управления Сыр-Дарьинским краем и хлопочет в Петербурге о совершенном его отдалении от Оренбурга.

Раз в конце зимы я поехал с женой прокатиться по городу; выехав на главную улицу, мы как раз столкнулись с командующим войсками, прогуливавшимся с правителем канцелярии Холодковским. Крыжановский тотчас позвал меня к себе и сказал:

— Я решился съездить в Петербург, чтобы разъяснить дело, и беру вас с собой; через три дня мы едем, сделайте все распоряжения.

Сборы были не долги. 1-го мая мы уже плыли в лодочке через разливы Сакмары по дороге в Питер и, добравшись кое-как в самую распутицу до Самары, немедленно сели на пароход. Крыжановский остался на день у сестры в Москве, а я проехал прямо в Петербург, где и остановился в гостинице Шухардина на Литейной. Дня четыре я был занят по приказанию Крыжановского довольно сложным составлением плана похода на Бухару и, окончив эту работу, пошел к нему. Мы заперлись в кабинете, и он вдруг сказал:

— Мне здесь говорили, что вы постоянно ведете переписку с Полторацким и что вы критикуете все мои действия и недоброжелательны мною. Правда ли?

— Вы знаете мой характер: ни любви, ни вражды я никогда не скрываю и, если бы видел в ваших действиях что-либо особенно дурное, то, конечно, прежде всего высказал бы это при докладе вам самим. С Полторацким я переписываюсь, как со старым товарищем по академии, пишу ему только то, что известно всем, и могу сейчас же принести вам все мои письма — они у него целы.

— Нет, нет, этого не надо — я верю вам, любезный Николай Гаврилович; говорили...

— Сплетничать можно все, но надо доказать.

— Будет об этом, — прервал меня Крыжановский, — кстати, военный министр доволен Полторацким и просил меня переговорить с вами, не согласитесь ли вы принять его место в главном штабе?

— Позвольте спросить, — отвечал я, — личное ваше желание сбыть меня — тогда, конечно, я сейчас же уйду — или же действительно желание военного министра?

— Нет, нет, я вовсе не хочу с вами расстаться, говорю вам как честный человек, что это желание военного министра, вы можете сами убедиться в этом, поехав сейчас к нему и сказав, зачем я вас прислал.

— Если это так, то прошу вас отложить мой ответ до возвращения в Оренбург, дабы я мог посоветоваться прежде с женою.

Через несколько дней был решен поход самого Крыжановского против Бухары, и ему были ассигнованы большие деньги на снаряжение.

Прожив недели три в Петербурге, я заболел, и как дела подходили к концу, то он и отпустил меня в Оренбург, куда я немедленно и выехал. Болезнь моя так усилилась, что я вынужден был вызвать навстречу к себе по телеграфу жену, которая в сопровождении доброго нашего офицера генерального штаба Г.И. Иванова и встретила меня по дороге в Самару. Кое-как я дотащился до Оренбурга и тут только начал медленно поправляться.

Недели через три после моего приезда возвратился из Оренбурга и Крыжановский. Снаряжение в степь шло на широкую ногу, денег было много, и при том они были даны без отчета в виде экстраординарной суммы. В это время я подал Крыжановскому записку, на каких условиях я могу принять должность начальника Азиатского отделения главного штаба, именно просил увеличения содержания и подчинения отделения прямо начальнику штаба или военному министру. Командующий войсками обещал сообщить условия военному министру в своем письме, и на этом все дело кончилось. Вскоре Крыжановский объявил, что берет меня с собой для участия в военных действиях; поездка эта как в материальном отношении, так и в служебном представляла для меня огромные выгоды, ибо впоследствии все участвовавшие в экспедиции получили чины, ордена и в том числе много георгиевских крестов. Не дав решительного ответа и, едва оправясь от болезни, я обратился, прежде всего, за советом к пользовавшему меня и Крыжановского доктору Лотину, но он и слышать не хотел о поездке, доказывая, что я и половины дороги не сделаю, особенно в степи, где нет никаких удобств и даже станций. Тогда я попросил Лотина заявить его мнение Крыжановскому, дабы последний ни на минуту не подумал, что я лично сам мог бы когда-нибудь отказаться от военных действий, так страстно и всегда мною любимых. Лотин исполнил мою просьбу, а Крыжановский с величайшим сожалением отказался от моей командировки.

(Окончание следует)

Государственное учреждение дополнительного образования детей
«Областной центр детско-юношеского туризма и краеведения»

2007 Июль

Июль 2007

IV Областной слет школьных поисковых объединений

22-27 июля в селе Чапаево Асекеевского района проходил IV Областной слет школьных поисковых объединений «Равнение на героев». Цели и задачи проведения слета связаны с воспитанием у детей и молодежи гражданственности и патриотизма – чувства гордости за славное историческое и боевое прошлое нашей Родины, утверждение идеалов гуманизма и милосердия к ветеранам войны и труда, участникам военных конфликтов, увековечивание памяти погибших в ходе военных действий, само совершенствование форм краеведческой поисковой работы.

В слете приняли участие более 200 учащихся и 26 руководителей поисковых объединений из 13 городов и районов области. Впервые в программе слета кроме обязательных мероприятий был введен поисково-исследовательский маршрут по описанию истории судеб жителей сел (Чапаево и Яковлевка).

Прошли митинги Памяти павших с зажжением свеч, запоминающиеся встречи с депутатом Законодательного собрания Оренбургской области И.Я. Давлятовым, с председателем районного общества «Росток» капитаном 2-го ранга А.К. Захарченко, зав. Асекеевского районного отдела народного образования В.К. Старковой, расска-

завшей о подвиге первого земляка – Героя России Сергея Амосова, погибшего в Афганистане. Сильное впечатление произвела встреча с ветеранами пионерского движения района М.Г. Бадрудиновой и О.В. Тумановой. Слова о непреходящих духовных и моральных ценностях прозвучали на уроке нравственности в выступлениях настоятеля православной церкви о. Валерия и студента Московского исламского университета Рафаила Сайфулина. Бойко прошла у российских ребят краеведческая интеллектуальная игра с нерусским названием брейн-ринг – «Вместе познаем наш край». Для руководителей поисковых объединений был проведен мастер-класс «Из опыта работы» и «Аукцион педагогических идей».

Жюри отметило высокий уровень работы поисковых объединений новоорской СОШ №2 (рук. Н.А. Спицына), курманаевской СОШ (рук. И.Н. Василюва), кусемской СОШ Адамовского района (рук. Ж.Х. Шинжирбасва), каликинской СОШ Александровского района (рук. В.И. Стрельникова). Призовые места по номинациям распределились следующим образом:

«Они научили нас видеть прекрасное» (конкурс «Мы построили город»):

1-е – Адамовский р-н; 2-е – Курманаевский р-н; 3-е – Тоцкий р-н.

«Герои Советского Союза – наши земляки» (конкурсы «Вахта памяти», «Продолжим Книгу Памяти», «Герои СССР (России)», «Генералы России (Оренбуржья)»):

1-е – Соль-Илецкий р-н; 2-е – Акбулакский р-н; 3-е – Новорский р-н.

«Слава и гордость Отечества» (Обычаи и обряды моего народа):

1-е – Асекеевский р-н; 2-е – Бугуруслан-

ский р-н; 3-е – Сарактапский р-н.

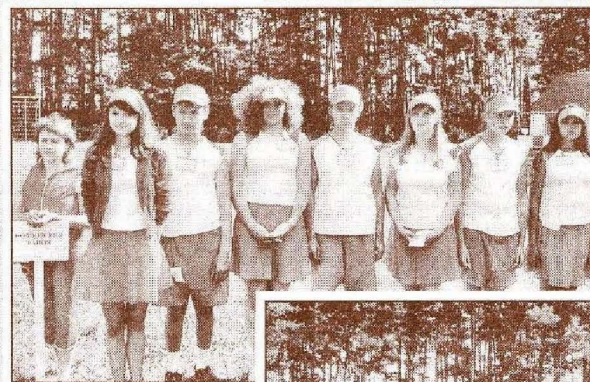
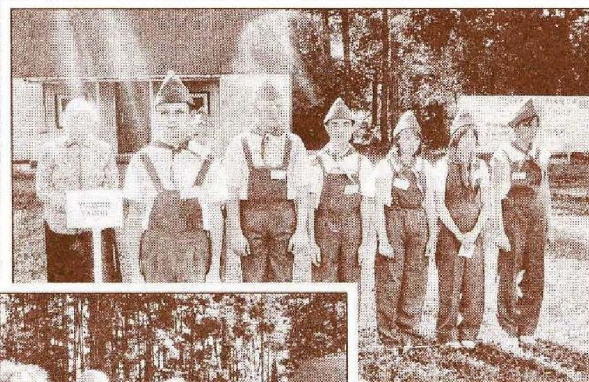
«Сверкай, салют, стоцветными огнями» (конкурс «Наши добрые дела»):

1-е – Новоорский р-н; 2-е – Курманаевский р-н; 3-е – Матвеевский р-н.

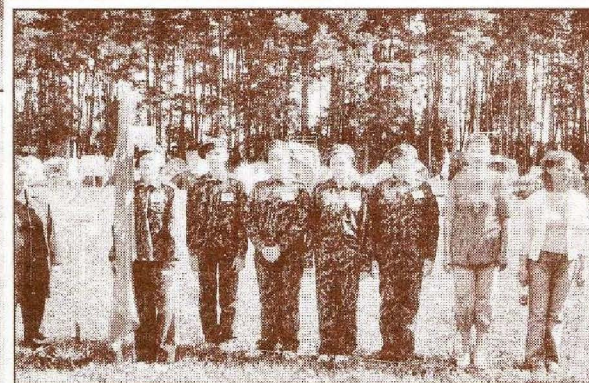
«Воспоминания солдата» (конкурс «Поисковый исследовательский маршрут»):

1-е – Александровский р-н; 2-е – Матвеевский р-н; 3-е – г. Оренбург.

Поисковый отряд
Жидиловской средне-
образовательной школы
Тоцкого района

Поисковый отряд
«Дети Земли»,
п. Новоорск

Поисковый отряд
Чапаевской средне-
образовательной школы
Асекеевского района

